

П О В Ъ С Т И

МОДНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

II.

СОВРЕМЕННЫЯ

ПОВѢСТИ

МОДНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

СОБРАНЫ, ПЕРЕВЕДЕНЫ И ИЗДАНЫ

Федоромъ Кони.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ , чшобы по оппечашпаніи предспавлены были въ Цензурный Комипешъ *три* экземпляра. Москва, Окпября 17 дня, 1834 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ
И. Снегиревъ.

II.

. . . . Voici de nouveaux contes ! —
Encore des contes ! . . . et toujours
des contes !!! . . . Cela vous fatigue
peut-être ? — Et moi donc ! . . .

JULES JANIN.

РУССКОМУ

ПОВѢСТВОВАТЕЛЮ

ВАСИЛІЮ АПОЛОНОВИЧУ

УШАКОВУ,

въ знакъ дружбы и уваженія.

ЦЕЦИЛІЯ

ПОВѢСТЬ

Тесдора Мюре.

I.

Быль прекрасный, осенній день.
Умильный блескъ солнца, какъ
прощальный поцѣлуй, при раз-
сшаваніи съ осенью, въ послѣдній
разъ оживлялъ длинные Париж-

скіе бульвары и просвѣчиваль игриво сквозь густыя вѣтви облепѣвшихъ деревь.

Я не могу пройди по эшимъ пыльнымъ аллеямъ въ лѣшнее время, когда Парижская публика ищетъ на нихъ какой-по мнимой прохлады, не пожалѣвъ о бѣдныхъ деревьяхъ, копорыя спояпъ еле живы посреди душной атмосферы газа, пыли и лавокъ; не пожелавъ имъ свѣжаго, привольнаго воздуха, или уединенія въ глуши лѣсовъ, или берега широкой рѣки, копорая всегда могла бы напоишь ихъ корни, вѣчно жаждущіе дождя небеснаго, вѣчно ждущіе поливальной бочки. И въ самомъ дѣлѣ: можно ли не жалѣшь объ эсихъ густолисныхъ поскующихъ липахъ?—При первой Іюньской

жаръ, онѣ уже до бѣла засыпаны пылью, при первой прохладѣ Августа — уже опали и засохли.

Но дѣлать нечего: въ столицѣ Франціи нѣтъ другаго гульбища; нѣтъ другой оспрады, и приспа или чешыреша тысячъ жишелей съ умиленіемъ глядящъ на Сен-Жервейскіе луга и Роменьвильскую рощу, кошорые издали кажупся имъ какою-то свяшынею, досшупною шолько въ праздничные и великопоржесшвенные дни.

Но булевары были прелесшны въ шощъ день, о кошоромъ мы говоримъ; а Тюльерійскій садъ и Елисейскія поля были еще прекраснѣе булеваровъ. Гербовыя карешы, роскошныя лондо и легкіе шильбюри прожигали мосшвовую на площади Людовика XV,

и въ перегонку бороздили обширное Неиллійское поле. Всѣ наши щеголи, всѣ модныя дамы, словомъ: весь праздный и богачій міръ нашъ, для кошораго жизнь полна однихъ шолько наслажденій, спѣшилъ въ Булонскій лѣсъ, чшобъ до зимы хопя однажды погуляшь еще въ Арменонвильской аллеи и заглянушь въ блестящую ея бесѣдку.

Всѣ спѣны по угламъ улицъ были испещрены шеапральными аффишами разныхъ цвѣшовъ и размѣровъ: двадцать названій, болѣе зашѣйливыхъ, чѣмъ самыя піэсы, копорыя скрывали подъ ихъ новизною свои поношенныя эффецшы, привлекали и соблазняли прохожихъ. Три, не шо чешыре новыхъ предспавленій спорили между со-

бою о правѣ на любопытство привычныхъ поспешелей эпихъ шумныхъ шоржесивъ; и имя одной изъ первокласныхъ шанцовщицъ, напечатанное гигантскими буквами, предвѣщало счастливымъ обоненшамъ Оперы восхищительный и полный наслажденія вечеръ.

Вы видите, что день эшопъ для Парижа былъ подлинно прекраснымъ днемъ. Эшо былъ одинъ изъ шѣхъ дней, въ кошорые и воздухъ и небо располагающъ душу къ чисшымъ и сладосшнымъ воспоргамъ. Всѣмъ извѣсно, что солнце никогда не горѣло надъ Парижемъ съ шакою усладисельною свѣшлошою, какъ во время послѣдней эпидеміи, кошорая шакъ безжалосшно сокращила его народо-

числіє. Спранная , удивительная пропівуположность ! Небо — во всемъ поржеспвенномъ блескъ , а земля — въ опчаяніи. Не мрачное, пускное небо, какъ мы обыкновенно воображаемъ его во время чумы , но чистое , смѣющееся освѣщало всѣ эпи ужасные виды смершей. Контрасшъ эшошъ, кошорой съ большею выразительностью проявлялся, въ послѣднихъ числахъ Апрѣля 1832 года, вѣрно придетъ вамъ на умъ всякій разъ, когда въ ясный , свѣшлый день вы вздумаете вспомнить, что въ шоже самое время солнце освѣщаетъ пятьдесять или шестьдесять предсмертныхъ бореній ; пятьдесять или шестьдесять мучительныхъ кончинъ и сколько же сценъ душевныхъ перзаній и опчаянія ; но вѣрояшно ,

вы никогда объ эпомъ не думаете ? и слава Богу !

И такъ , Парижъ былъ весель и прекрасенъ въ эпошъ день. Едва насупилъ вечеръ и нарынкахъ и въ лавкахъ засверкали огни; а верховая Полиція спала на часахъ по концамъ улицы Леппелешье , чшобы удерживашъ неисповое спремленіе экинажей , кошорые совсѣхъ споронъ неслись къ большой Оперѣ. Средошочіе эшаго богашаго кваршала соспавляетъ булеваръ , а пошому онъ весь кипѣлъ жизнию: всюду шѣснились люди дѣловые , и спекались бездѣльные—для прогулки. Всѣ франшики въ усахъ и съ сигарами , по обыкновенію , собрались въ Парижскую кофейную. Вездѣ шли веселые разговоры объ лошадяхъ , новоспяхъ , полишикѣ , шеапральныхъ піэсахъ и близкихъ скач-

кахъ ; вездѣ разливались смѣхъ и радость, и между всѣми этими людьми беззаботно собравшимися пополковашь и повеселишься ; между всѣми этими женщинами, кошорья мчались въ роскошныхъ экипажахъ, украшенныя золопомъ и камнями, и заранѣе радуясь своимъ бальнымъ побѣдамъ , вѣрно не было ни одной души , кошорая бы вспомнила , сколько въ эту самую минушу изнемогаешь спраспей сильныхъ и глубокихъ, сколько слезъ горькихъ и жгучихъ проливается въ порывахъ грусти и опчаянія.

Вдругъ, при громкихъ крикахъ: «*Сторонись! сторонись!*» молодой чловѣкъ, лѣтъ двадцати шрехъ, спѣшилъ укрыться на булеварную дорожку опъ модной коляски , кошорая быспро обогнувъ

изъ за угла другой улицы, нес-
лась на него спрѣлою.

Что-то похожее на помѣша-
пельство изображалось на блѣд-
номъ и сухощавомъ лицѣ моло-
даго человѣка, не смотря на бла-
городство и пріятность каждой
черты опдѣльно. Грудь его сильно
волновалась. Испершее, обно-
шенное плашье изобличало въ
немъ человѣка свѣшскаго; и но-
визна покроя еще болѣе обнару-
живала скудность владѣтеля, не-
смотря на то, что онъ спарался
скрыть ее всѣми средствами щца-
пельнаго шуалеша.

Молодой человѣкъ быспро про-
бѣгалъ булевары, распалкивалъ
локшями прохожихъ, кошорые
замедляли его ходьбу, и съ ша-
кимъ неисповспвомъ пробивалъ

себѣ дорогу сквозь бездѣйствительную толпу гуляющихъ, какъ будто каждое его движеніе было припадкомъ горячки. Такимъ образомъ дошелъ онъ до Монмариірской улицы; шухъ онъ удвоилъ шаги и шоропился къ самому концу сего предмѣспія, восклицая иногда въ полголоса: *Цецилія! О моя Цецилія!*

II.

Мы теперь на одномъ изъ чердаковъ улицы Кокенаръ, улицы шумной, промышленной, населенной масперовыми и ремесленниками. Лѣспница, кошорая ве-

дешъ на высокій чердакъ , шемна и грязна. Засаленная веревка замѣняешъ перила и пушевод-спвуешъ шѣхъ , кошорые рѣшились пуспипшься въ эпошъ лабириншъ закоулковъ и мрака.

Когда вы взойдете на площадку пятаго эшажа , передъ вами будешъ дверь , ошворите ее и вы увидите свѣшелку , кошорая предспавишъ вамъ каршину самой глубокой , но вмѣспъ съ шѣмъ самой чисшоплошной и спѣсивой бѣдноспи.

Все жилище сосшопишъ шолько изъ двухъ свѣшлыхъ коморокъ , раздѣленныхъ зыбкою досчашой перегородкой. Кромѣ необходимѣйшей мебели въ немъ ничего не было. Два или при соломенныхъ сшула , спарый комодъ изъ ка-

рельской березы, сполікъ и на немъ чернилица, бумага и нѣсколько исписанныхъ лисцовъ — соспавляли всю домашнюю ушварь.

Сполъ эшопъ былъ поспавленъ у кровати безъ занавѣсокъ; на ней лежала молодая женщина съ большими черными глазами, и помершвѣлыя губы ея сливались почши съ восковою блѣдноспію лица.

Сальный огарокъ, поспавленный на сполъ въ железномъ подсвѣчникѣ, въ половину шолько освѣщаль печаль и блѣдноспь уединеннаго жилища и больной его жилицы.

Молодая женщина лежала, облокопясь на подушку и опу-

спивъ голову на одну руку — а другою держала письмо, копорое въ эту минуу дочипывала. Вскорь пальцы ея сжались, какъ бы ошь судороги, смяли письмо, и оно упало на посшель.

— « Никогда! » — произнесла она наконецъ съ какимъ-то сильнымъ выраженіемъ, весьма похожимъ на послѣднее мерцаніе факела, копорый вдругъ вспыхиваетъ передъ шѣмъ, какъ ему навсегда погаснущь.....

— « Нѣшъ! нѣшъ! никогда! »

Пошомъ она продолжала прогашельнымъ голосомъ :

— « Они хошяшъ, чшобъ я его осшавила! его — жизнь мою! любовь мою!... И еслибъ я даже согласилась, чшождъ имъ ошь эшого? шеперь ужъ поздно.....

Помолчавъ немного :

— « Какъ онъ долго нейдетъ!
Мнѣ шакъ грустно безъ него!.....
Ахъ! гдѣ онъ?... Гдѣ онъ?.....»

И голова ея опяшь опустилась
на подушку.

III.

Но я долженъ познакомить васъ покороче съ эшою молодою дѣвушкой и съ *тѣмъ*, кого она съ такимъ неперпѣніемъ ожидаетъ.

Цецилія Вердье была дочь честнаго Безансонскаго порговца, спарика промышленнаго и вѣрнаго вывѣскѣ своихъ предковъ, которую онъ не рѣшился бы переменить ни за какія блага на свѣшѣ.

Почти около вѣка вывѣска чѣ изображеніемъ Свяшаго Людовика была извѣсна цѣлому городу : всякій шелъ въ лавку съ полной довѣренносшью, и до сихъ поръ не бывало примѣра, чпобѣ кто нибудь похулилъ шоваръ, купленный подѣ сею почшенною фирмою.

Почти всѣ предки Вердье были главами своего общесшва еще въ шѣ блаженныя времена, когда банкроты были очень рѣдки, когда

клеймо позора на челѣ несостоятельнаго должника, казалось пошлуднымъ для всей его торгующей брaтїи, и когда цѣлое общество почитало себя обязаннымъ поддержать честь и кредитъ падающаго члена своимъ собственнымъ пособіемъ.

Опець и дядя Вердье были въ свое время также избраны въ головы, и дипломы, данные имъ на эпошъ знакъ общественнаго уваженія, свяпо сохранялись въ архивѣ спарика, какъ памятникъ знаменитосши его торговаго дома.

И подлинно, торговое ремесло въ то время было въ шакомъ же уваженіи, какъ и шеперь; не

смотря на то, что на Театръ не пѣли плоскихъ и нелѣпыхъ куплетовъ на промышленность и торговцевъ; что прежніе вельможи не заводили мануфактуръ изъ щеславія и не кричали во славу своихъ произведеній на подрывъ прудамъ и забогамъ истинныхъ промышленниковъ. Въ то время, объ которомъ мы говоримъ торговля и промышленность не пропускались еще черезъ сценическую фильпру и не пользовались водевильной похва-лою.

Блаженныя времена!

Честный Вердье сохранилъ, какъ священный залогъ, всѣ преданія и предразсудки своихъ предковъ.

Во всемъ , что только касалось до чести , онъ былъ непоколебимъ и сстрогъ. Главными символами его домашней жизни были : порядокъ и аккуратность.

И когда по испеченіи года , сличалась долговая книга съ книгою наличности , по всегда оказывался порядочный барышъ , напередъ расчисленный и предвидѣнный смѣшливымъ шорговцемъ.

Лавка Вердье не была уставлена шкафами изъ краснаго дерева съ бронзою и позолоченной рѣзьбою ; окны ея не блистали полированными, цѣльными стеклами ; прикащики , честные молодые люди , съ копорыми онъ обходился какъ ошець , но ошець сстрогій и внимательный , не но-

силы усовъ и шпоръ , неходились завѣшными хохлами ; хозяинъ на блюдалъ за ихъ поведеніемъ домашнимъ и внѣ дома ; и въ послѣдствіи , когда имъ нужно было опредѣлишься къ мѣспу , по слова : « я учился торговль и вель книги у Г. Вердье въ лавкѣ подъ вѣвѣскою Свяшаго Людовика , » были лучшею для нихъ рекомендаціею .

За нѣсколько лѣтъ передъ эпохою моею повѣспи Вердье претерпѣлъ великую потерю , одну изъ тѣхъ потерь , копорыхъ нельзя вознаградишь ни чемъ и копорыя никогда не забываются : онъ лишился превосходной жены , доброй машери дѣшей своихъ , прекрасной хозяйки ; копорая никогда не была хороша со-

бою, на копорой онъ женился ужъ не въ первой ея молодости, но копорую онъ любилъ, если не романическою любовью, по покрайнѣй мѣрѣ всею силою прочной и глубокой привязанности.

Она оставила ему по себѣ двѣнадцатилѣтнюю дочь, и сиротка, еще ребенкомъ, за большіе, черные глаза свои и за развивающуюся красоту, была предметомъ удивленія и похвалъ всѣхъ друзей спараго Вердье.

Цецилія, подрастая, оправдала блестящія надежды, копорыя подала о себѣ въ дѣтствѣ.

Когда, бывало, съ молишвенникомъ въ рукахъ, она появилися съ опцемъ своимъ въ приходской церкви и чинно споишь за обѣд-

нею , шо взоры всѣхъ молодыхъ франшовъ , кошорыхъ соблазнъ и суеша завели въ эшу свяпыню , охошно и приспально на ней оспанавливались.

Когда по Воскресеньямъ она , бывало , появишя на Безансонскихъ гуляньяхъ , сосшавлявшихъ въ суммѣ съ нѣкошорыми домашними вечерами у родныхъ весь ипогъ ея удовольствій , шо всѣ оспанавливались или оборачивались назадъ , чшобъ полюбовашься ея шонкой и гибкой шаліей , ея сшройной и благородной походкой.

И не смошря на шо , плашье на ней всегда было- очень про- шенькое ; Вердые не хошѣль , чшобъ изысканношью убора она возвышалась надъ обыкновеніями своего круга ; но Цецилія , кажеш-

ся, сама разгадала сокровенныя шайны шуалеша, хошя никпо не опкрываль ей ушонченныхъ его прихошей.

Она умѣла придашь своему прошенъкому наряду шакую прелеспь, шакую привлекапельноспь; какой самыя богашыя дамы, осыпанныя золошомъ и брилліаншами не могли присвоишь своей роскоши.

Одаренная опъ природы живымъ и сильнымъ воображеніемъ, Цецилія возымѣла желаніе нрависься гораздо прежде, чѣмъ сердце ея назначило цѣль, для кошорой она должна рядисься и бышь милою.

Много разъ вздыхала она прошивъ воли, когда въ опцовской

лавкѣ заспавляли ее подводивъ ипоги подѣ длинныя колонны чисель въ огромный коммерческой книгѣ , ввиду шолько однѣхъ безмолвныхъ полокѣ , нагруженныхъ разноцвѣшными половинками суконѣ и казимировѣ.

Тогда перо оспанавливалось въ рукѣ ея ; шогда она увлекалась мечшами , кошорыя рождались въ ея воображеніи въ видѣ шемныхъ , непоняшныхъ для нея призраковѣ.

Она предспавляла себѣ , чшо въ свѣшѣ могушѣ бышѣ и другіе предметы для размышленія , кромѣ сложенія и вычисанія ; могушѣ бышѣ разговоры , гораздо пріятнѣе , для сердца и слуха , чѣмъ пусныя однообразныя рѣчи покушчиковѣ , кошо-

рые безпреспанно приходили въ лавку опца ея.

Цецилія любила опца своего, какъ покорная и преданная дочь; но чувствовала къ нему какое-то почтеніе, кошорое иногда доходило до спраха.

И надобно вамъ сказаць по совѣспи, что общесство опца и двухъ молодыхъ людей, полукресстьянъ, полу-мѣщанъ, его прикащиковъ, кошорое она обязана была еженѣвно раздѣлять за споломъ, казалось ей ужасно скучнымъ.

По обыкновенію оба купеческіе ученика не смѣли разинуць рта за обѣдомъ, если ихъ неспрашивали. Они вспавали изъ за сполола прежде своего хозяина и его до-

чери, но разговоръ опъ этаго ни сколько не одушевлялся; Цецилія вспавала вслѣдъ за ними, принималась за каждодневныя свои занятія и печальное ихъ однообразіе не было нарушаемо никакимъ особеннымъ случаемъ.

Такъ прошекала жизнь Цециліи.

Вы сами видите, что такое существованіе, предспавляло очень мало пици пылкому ея воображенію и эшимъ невнятнымъ порывамъ къ безвѣспности будущаго и къ ощущеніямъ, копорыя создались въ душѣ ея и копорыхъ она не находила въ жизни суцесшвенной.

Цецилія никогда не чипала романовъ; въ домѣ ошца ея было

очень мало книгъ , а въ эпозъ родъ — и совсѣмъ небыло.

Но молодая мысль ея спрансшвовала, она сама создавала себѣ романы; романы живые, полные увлеченія и прелести; бѣдняжка мечшала, мечшала одна, сладко и часшо мечшала, и наконецъ мечшы непримѣшно сдѣлались необходимою пошребностью ея жизни.

Г. Вердье слылъ челоуѣкомъ досшашочнымъ, даже богашымъ, слѣдовапельно легко себѣ предсшавишь, что Цецилія неимѣла недосшашка въ женихахъ. Но пошому ли, что ни одинъ изъ нихъ не соопвѣшсшвовалъ желанію сшараго Вердье, или пошому, что онъ не шоропился выдавашь дочь свою замушъ, Цецилія на девашнадцашомъ году все еще подво-

дила ипоги въ скучномъ залавкѣ опца своего. Во всю жизнь не видала она въ продолженіи двухъ часовъ сряду другихъ мужчинъ, кромѣ самаго Вердье и двухъ прикащиковъ, копорыхъ шолспая фигура, плоско приглаженные волоса, и шпяжелая неповорошливосшь на сколько не осущеспвляли ея мечпаній.

Одинъ изъ шорговыхъ собраний и спаринныхъ друзей Г. Вердье, по сосѣдспву своему съ ихъ домомъ, находился въ весьма частыхъ сношеніяхъ съ опцемъ Цециліи.

У него былъ сынъ, копорый послѣ довольно долгаго опспуспствія опяшь вернулся на родину.

Г. Лебрюнь гошовилъ для своего наслѣдника гораздо высшее на-

значеніе , чѣмъ мѣлочную свою торговлю , гораздо блисшашельнѣйшій прибуно , чѣмъ ольховую свою коншорку .

Онѣ видалѣ многихѣ адвокашовѣ , кошорые изѣ залы уголовного суда попадали въ Депушашы и черную робу свою промѣнивали на шишій мундирѣ , пошому , что въ наше время бышѣ адвокатомѣ великое дѣло .

Теперь они не довольсшвующсѣ привиллегіей защищашѣ вдовѣ и сирошѣ , какѣ гласишѣ успавѣ присяги ; нѣшѣ ! имѣ нужно больше ! Вѣкѣ нашѣ — ихѣ золошой вѣкѣ ; и нынѣшняя Франція — для нихѣ земля обѣшванная .

Г. Лебрюно , записной чишашель журналовѣ , величайшій по-

лишикъ своего кваршала , никакъ не сомнѣвался , чшобъ его Гуспавъ , одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Безансонской Коллеги , не сдѣлалъ карриеры по этой часпи , и не проложилъ себѣ дороги , кошорая не только доставишь ему славу Папрю и Жербье ; но даже поведешъ его дальше.

И онъ рѣшилъ , что Гуспавъ по выходѣ изъ Коллеги , непременно долженъ учиться правамъ.

Дижонская школа была ближе всѣхъ къ его городу ; но провинціальная жизнь не нравилась Гуспаву.

Сынъ Лебрюня былъ спрашенъ къ шеапру , и поэпическое его воображеніе пошому поль-

ко соглашалось на эши при года новаго ученія, что предвидѣло въ нихъ возможность безъ помѣхи предашься любимымъ своимъ занятіямъ.

Каждую зиму мѣсяцевъ на пять или на шесть прїѣзжала въ провинцію, спранствующая пруппа Акперовъ, и въ удовольствіе Безансонской публики, искажала и безобразила всѣ лучшія произведенія столицы. Спектакли ихъ были часты и громки и Гуспавъ всегда былъ самымъ ревностнымъ ихъ посьпичелемъ.

Какъ только вождельный оппускъ давалъ ему свободу на нѣсколько дней, онъ пошчасъ лешѣлъ любоваться эшими пошомками Скарроновыхъ героевъ, и сколько разъ, съ опасеніемъ под-

вергнувшись всей спорогоспи школьнаго наказанія , онъ вскарабкивался на сцѣну Коллегіи и перелѣзалъ черезъ нее , чтобы насладиться гармоническимъ голосомъ странствующей примадонны, или патетическими возгласами перваго прагика.

Но было слово , которое для Гуспава имѣло гармонію небесныхъ звуковъ ; слово полное надеждъ и наслажденія.

Парижъ! Парижъ!

Сколько новыхъ упоеній, сколько неизвѣстныхъ воспорговъ, заключаешь въ себѣ это магическое слово для двадцати-лѣшняго воображенія!

Парижъ! . . . великая всемірная столица ! кошую расчешливые

опцы описывающъ сыновьямъ своимъ, какъ гнѣздилище всѣхъ бѣдъ и пороковъ, какъ Вавилонъ богопрошивный; и копорую молодые люди обнимающъ мыслію, какъ идеаль всѣхъ своихъ надеждъ и мечпаній.

Въ Парижѣ поржеспво искусствъ и спекпаклей!

Въ Парижѣ всѣ великіе люди во всѣхъ родахъ!

Въ Парижѣ жизнь, движеніе, всѣ радости, всѣ чудеса!

Гуспавъ наспояшельно просиль опца своего, чпобъ вмѣспо Дижонской Коллегіи правъ онъ избралъ для него Парижскую. Для убѣжденія предспавляль онъ ему неоцѣнимую выгоду въ одно и поже время слушапъ важные

уроки послѣдовашихъ Кюжо и Баршолла, и пользовался курсами Французской и Сорбонской Коллегій, которыя въ то время были въ полномъ блескѣ своей славы. Кромѣ того въ Парижѣ онъ могъ слышать знаменитѣйшихъ ораторовъ Французскаго судопроизводства; образовался по ихъ школамъ и даже посѣщалъ палату депутатовъ.

Гуславъ такъ искусно пользовался любимой мечтѣю отца своего, что тотъ уже напередъ рѣшилъ, что сынъ его непременно будетъ сидѣть въ первыхъ рядахъ Французскихъ законодателей.

И — будущій Адвокатъ получилъ позволеніе учиться праву въ Парижѣ.

Въ одно прекрасное утро, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, надѣленный новою парюю плашья, порядочнымъ запасомъ благихъ совѣшовъ и пяпью или шеспью рекомендацельными письмами къ сшариннымъ корреспонденшамъ, герой нашъ сѣлъ въ дилижансъ и покашился по дорогѣ въ спюлицу.

Такъ же, какъ и Цецилія, Гусшавъ еще въ младенчеспвѣ лишился машери; и минуша разсшаванія была для него неслишкомъ шягосшна, пошому, что любовь опца, какъ бы она ни была сильна, не можешъ излишьяся съ шакюю нѣжноспію, съ шакимъ глубокимъ и горькимъ чувспвомъ, какъ сердце машери.

Ошецъ даешъ насшавленія, шо-

гда, какъ машь цѣлуешь и плачешь..

Пока дилижансъ кашился по городской мостовой, Гуспавъ не могъ оборониться ошъ какого-шо груспнаго чувсшва: сцена прощанія была еще шакъ свѣжа въ его сердце и всѣ дома, всѣ лица, копорья онъ вспрѣчалъ на улицахъ — были давнишніе его знакомые..... они вспоминали ему первые годы дѣшсшва.

Но когда онъ выѣхалъ изъ городскихъ ворошъ; когда увидѣлъ передъ собою поле и дорогу, мечшы о будущемъ смѣнили груспъ сердечную и одни планы заняли его воображеніе: Каждая минуша приближала его къ Парижу шполь желанному, къ эшой великой сполицѣ, копорая шакъ давно ему снилась. И когда

онъ въѣхалъ въ заспаву, когда могъ сказать себѣ: «*Я въ Парижѣ!*» но воспоргъ и счастье его были такъ велики, что я не берусь ихъ описывать.

Онъ дышалъ другимъ воздухомъ, ему казалось, что онъ живешь другою жизнью.

Въ первый вечеръ своего приѣзда Густавъ былъ уже въ партеръ Оперы и открывалъ свою душу для всѣхъ новыхъ впечатлѣній.

Онъ встрѣшилъ въ Парижѣ нѣсколько земляковъ и поселился съ ними въ одной изъ гостинницъ Лашинскаго квартала, родъ базаръ, куда собираются всѣ новобранцы юридическаго и медицинскаго факультетовъ.

Не скажу, чіпобъ онъ слишкомъ прилѣжно посѣщаль лекціи въ Инспитутъ правъ, или слишкомъ часто ходиль въ госпи къ корреспондентамъ своего опца; но за шо Гуспавъ, получая черезъ каждые три мѣсяца опъ башюшки весьма порядочную сумму денегъ, не пропускаль ни одной выспавки карпинъ, ни одного засѣданія Французской Академіи, ни одного перваго предспавленія какой нибудь значительной піэсы

Но не гаспрономическія удовольствія, не прихоти моды испощали у него все опцовское жадованіе, а по большой часпи банковые билешы спараго Лебрюня переходили изъ рукъ Гуспава въ билетную продажу Парижскихъ Театровъ.

Все свободное время, которое оставалось ему отъ лекцій по Липпературному Курсу, студентъ нашъ посвящалъ поэзіи. Онъ занимался ею потому, что два, или три стихотворенія, которыми онъ написалъ когда то въ школѣ и читалъ въ кругу друзей и родныхъ, были ими расхвалены до небесъ; и мечшашель, обольщенный сими похвалами, тогда-же воскликнулъ внутренно :

« Я поэтъ! »

Бѣдный молодой человекъ! Въ нашъ вѣкъ онъ вѣровалъ еще въ поэзію.

Вошъ, какъ Гуславъ учился праву.

Пуускай другіе спрудятся надъ неблагодарною перепискою сшряп-

ческихъ дѣлъ! Пускай другіе про-
сизиваютъ длинныя, бессонныя
ночи надъ холоднымъ, сухимъ сво-
домъ законовъ! А онъ—наслаждал-
ся сладкою бесѣдою объ искус-
ствахъ и поэзіи въ густыхъ ал-
леяхъ Люксамбурга, гдѣ обдумы-
ваешь сполько трагедій, гдѣ
повѣряешь сполько любовныхъ
пайнъ; а онъ—присутствовалъ на
всѣхъ первыхъ представленіяхъ
въ Одеонѣ.....

О вы, которые населяли го-
спинницы Сорбонскаго квартала!
О вы, которые шерли лавки въ
Юридическомъ и Медицинскомъ
Инспишуахъ! Вы ихъ помни-
те, эшѣ первыя представленія
въ Одеонѣ? — Въ Одеонѣ того
времени! — когда они еще имѣли
свою физиогномію, свой собствен-

ный характеръ, котораго не лзя было встрѣпить ни въ одномъ изъ другихъ Театровъ.

Вы помните эпопъ ареопагъ пылкой, шумной, спрашной и насмѣшливой молодежи? Новыя піэсы, въ Одеонъ, были любимымъ предметомъ вашихъ помышлений, цѣлю — всѣхъ вашихъ подвиговъ. На другой день вы говорили объ нихъ въ Волперовско кофейной или въ *сборной гостиницѣ*. Тутъ рассказывали вы другъ другу о своихъ дѣйствіяхъ прошивъ присяжныхъ хлопальщиковъ и свиснуновъ; копорые всегда сядяся въ срединѣ партера; о карманныхъ запасахъ, копорыми привѣщсвовали вы бѣдныхъ акшеровъ; о веселомъ паденіи и похоронахъ новой піэсы, копорая не

успѣла дожить до конца своего.

Но Гусшавъ никогда и никого не освисшывалъ. Онъ думалъ шакъ: «Когда бы я написалъ піэсу, эши рѣзкіе звуки, какъ пули свиспѣли бы въ ушахъ моихъ, какъ кинжальные удары раздирали бы слухъ мой!»—И молча глядѣлъ на эшо побоище, не принимая въ немъ ни малѣйшаго учаспія. Пошомъ спѣшилъ домой, чшобъ набрасашъ на бумагу нѣсколько вдохновеній, кошорыя родились въ душѣ его послѣ спектакля..... и преспокійно засыпалъ надъ какимъ нибудь новомоднымъ романомъ, если въ опсушшвіи его не принесли письма съ Безансонскимъ клеймомъ, шакого письма, какое мы и шогда еще

перечитываемъ , когда ужъ знаемъ его наизусть , никакого письма , ошъ кошораго мы въ одно время , плачемъ , смѣемся , прыгаемъ , какъ безумные — и спрадаемъ безсонницей до самаго разсвѣша.

Но вы вѣрно сами догадываетесь, что письма эти , кошорья онъ такъ часто перечитывалъ , и покрывалъ жадными поцѣлуйми , были не ошъ ошца ? Ошеческое письмо , даже въ душѣ самаго лучшаго сына , не возбудишь эшихъ порывовъ любви и нѣжности.

Кшо же былъ , или лучше сказашь , кшо была — эшопъ шайный корресподеншъ , кошорой письма такимъ сладкимъ и знакомымъ

голосомъ говорили сердцу нашего студента ?

Перейдемъ немного назадъ.....

Вы знаете , что ваканціонные мѣсяцы Гусшавъ проводилъ не въ Парижѣ.

Когда наступалъ Августъ , и весь Лашинскій кварталъ разбрѣдался въ разныя спороны , когда коммисіонеры , навьюченные походными чемоданами и неизбѣжнымъ карпончикомъ съ модной шляпой , каждое утро отправлялись въ коншоры дилижансовъ и транспоршовъ , и нашъ Гусшавъ прощался на нѣсколько недѣль и съ Люксамбургомъ , и съ Одеономъ , и со всѣми своими Парижскими привычками и радостями.

Онъ занималъ себѣ мѣсто въ Безансонской почтовой каретѣ съ двумя или тремя земляками — шоварищами, попомъ шоропилъ почшаліона, чшобъ поскорѣй поспѣшь въ родимый свой городъ, гдѣ родители обыкновенно собирались въ почтовую коншору и внимашельно прислушивались къ спутку шяжелого экипажа, долженсшвовавшего возвращишь имъ сына, въ объяшія родишельскія, къ семейной жизни, кошорую никакія развлеченія споліць не въ сосшояніи изгладишь изъ юношескаго сердца.

Для стараго Любрюня время ваканцій Гуспава было временемъ годоваго празднесшва; временемъ благополучія.

Онъ не могъ налюбовашься на

своего сына, не могъ довольно надивиться счастливымъ слѣдствіямъ его Сполочнаго образованія.

А когда заходила у нихъ рѣчь объ успѣхахъ Гусшава въ Юридическомъ искусствѣ; то молодой человекъ всегда находилъ средства вывернуться: онъ переширля рѣчь свою книжными фразами, засыпалъ ее шехническими выраженіями и къ спашѣ и не къ спашѣ приводилъ самыя звучныя имена великихъ Юрисповъ, пакъ, что спарый Лебрюнь, въ полномъ восхищеніи все болѣе и болѣе убѣждался въ мысли, что Гусшавъ его непременно займешъ первое мѣсто въ Испоріи новѣйшаго Законодательства, или по крайней мѣрѣ въ Парламентальныхъ мѣшописяхъ Франціи.

Но была: особа, копорая еще съ большимъ неперпнїемъ ожида-ла прїѣзда Гусшава; особа, копорая съ жадносшію считала дни и мѣсяцы, приближавшіе ее къ той минутѣ, когда старый Лебрюнь, по обыкновенію, съ радосшнымъ лицомъ войдетъ въ лавку друга своего Вердье и скажетъ:

— « Ну, сосѣдь! поздравь меня: нынче прїѣдетъ мой Гусшавъ! »

И Цецилія была увѣрена, что недалеко, какъ на слѣдующій день, Гусшавъ вѣрно пойдетъ опда-вашь всѣмъ друзьямъ дома своего обычные визиты и прежде всѣхъ явишся къ ея опцу.

И всю слѣдующую ночь она не спала опъ радосши.

Не стану безъ пользы распро-
страняшь моей повѣсти , раска-
зывая вамъ въ подробности : ка-
кимъ образомъ сходство нравовъ
и вкуса ; и однообразіе лавочной
жизни , въ кошоромъ испаевало
воображеніе молодой дѣвушки , и
рѣзкое различіе между нелѣпымъ
обществомъ ея пепокъ , кузинъ ,
опцовскихъ прикащиковъ и бле-
спящею , пламенною рѣчью Гу-
сшава — подѣйствововали на не-
винную и вмѣстѣ огненную ду-
шу Цециліи.

Довольно вамъ знашь , что
Гусшавъ осуществилъ для нея
все , что ей шакъ часшо снилось
въ пылкихъ мечшаніяхъ.

Подъ гнешомъ холодныхъ и шя-
желыхъ расчешовъ опца ; она
угадала поэзію жизни , и эша

поэзія излилась передъ нею въ голосъ Гуспава.

Вдохновеннымъ и карпиннымъ языкомъ описываль онъ ей Парижъ, его шеапры, его обольщенія и чудеса..... и бѣдная дѣвушка изъ разговора, продолжавшагося чепверть часа, почерпала обильную пищу для новыхъ мечпаній на нѣсколько мѣсяцевъ.

Но разговоры эши были очень коропки и слишкомъ рѣдки.

Харакперъ и обхождение Гуспава не угождали ни спрогий нравъ Г. Вердѣ; его ариомешическій умъ зналь и понималь одну шолько Поэзію: Поэзію шекущихъ счешовъ и долговыхъ ишгоговъ.

Онъ почиталъ чиспымъ безумсшвомъ порывы воображенія молодого Лебрюня и вслухъ охуждалъ чесполубіе своего сосѣда. Неимѣя особенной побудительной причины опказавъ Гуспаву опъ дому, Вердье охотно принималъ его посѣщенія; но когда, въ одинъ прекрасный день, спарый Лебрюнь послѣ многихъ предисловіій о выгодномъ ихъ сосѣдствѣ, о шорговыхъ сношеніяхъ, о спаринной дружбѣ, спалъ просипъ руки Цециліи для своего сына; Вердье наморщился, вѣжливо поблагодарилъ за чесшь предложенія, и поразилъ его рѣшипельнымъ опказомъ.

Самолубіе Лебрюня было сильно оскорблено, но онъ скоро ушѣшійся, будучи увѣренъ, что

сынъ его всегда найдешь себѣ паршію, и припомъ гораздо лучше эпой. Онъ даже никогда не думалъ объ эпомъ союзѣ, однѣ усильныя просьбы Гусшава понудили его къ попышкѣ, споль шягоспной и неудачной.

Но Гусшавъ любилъ Цецилію со всѣмъ пламенемъ испинной, пылкой любви.

Они совершенно поняли другъ друга; а препяшствія, копорья вспрѣшила ихъ любовь, преврашили ее въ прочную и глубокую спрасшь.

Гусшавъ долженъ былъ возврашиться въ Парижъ, чшобы кончишь курсъ своего ученія; но онъ не видалъ Цециліи съ шѣхъ поръ, какъ получилъ опказъ ошъ

опца ея. И могъ ли онъ уѣхашь, не повидавшись съ нею ?

Кровью, жизнью — гошовъ, онъ былъ заплашишь за коропкій мигъ свиданія! и долго медлилъ, и долго опкладывалъ день своего опшѣзда.

Наконецъ, желаніе его свершилось :

По торговымъ дѣламъ Вердье уѣхалъ куда-шо на цѣлые сушки. Гусшавъ воспользовался его опшсшвиємъ и послѣ многихъ усилій ему удалось добрашья до Цециліи и поговорить съ нею нѣсколько минушь безъ свидѣтелей.

Онъ опшошилъ передъ нею всѣ порывы опчаянной любви: онъ

клялся, что лишитъ себя жизни, если пошеряетъ ее навсегда — и точно: съ его полношюю чувствва онъ рѣшился бы на самоубійство. Наконецъ они распались, обѣщавъ другъ другу вѣчную взаимную любовь и Гуспавъ умолялъ Цецилію хопя нѣсколькими спрочками усладить спрданія его мучительной разлуки съ нею.

На другой день Гуспавъ кашился по дорогѣ въ сполицу.

Цецилія сдержала слово: она писала къ Гуспаву часшо, очень часшо. Можешъ бытъ, вы ее извините, можешъ бытъ, пожалѣйте объ ней. Но спарый Вердые, со всей своей чеспностью, не понималъ сердца чловѣческаго, неоспигалъ его порывовъ. Онъ

видѣлъ, что Цецилія съ самойшой минушы, какъ онъ опказалъ молодому Лебрюну, спрадала и печалилась, но полагалъ, что спрогіе выговоры и опеческія насшавленія скоро испребяшъ въ ней любовь, кошорая, по его мнѣнію, не могла имѣшь дурныхъ слѣдшвій, и щедро надѣлялъ бѣняжку и шѣмъ и другимъ.

Сшарая пешка, сухая, шощая и опъ природы бранчивая, была нарочно выписана и помогала ему въ эшихъ подвигахъ, но вопреки своему желанію, оба шрудились шолько въ пользу Гусшава. Сшрасшь Цециліи пріобрѣшала новыя силы въ непрерывной борбѣ съ принужденіемъ. Естъ души, кошорыя исцѣляющся въ

опчужденіи; но ешь и пакія, кошорымъ одиночество еще пламеннѣй, еще краснорѣчивѣй говоришь о спрасши.

Вы знаете душу Цециліи.
пожалѣйте объ ней!

Между шѣмъ сдѣлался важный переворошь въ жизни Гуспава.

Спарикъ Лебрюнъ ужъ года два жилъ на покоѣ, бросилъ всѣ свои шорговья дѣла, опъ кошорыхъ сберегъ довольно порядочный капишаль. Онъ опдалъ его въ руки одному Парижскому банкиру, извѣсшному во Франціи по

своей вѣрности и значительнымъ оборошамъ.

Однажды, послѣ блистательнаго бала, гдѣ изысканность и роскошь испощили всѣ свои соблазны, банкиръ возобновилъ свой абонементъ на ложу въ Оперѣ и попомъ вдругъ — пропалъ безъ вѣсти.

Лебрюнь пошерялъ все свое имѣніе и раззорился въ конецъ.

Едва Гусшавъ узналъ объ эшомъ, какъ полетѣлъ въ Безансонъ, чтобы пригошовить своего опца къ первому удару и облегчить ему тяжестъ несчастія, постигшаго ихъ шакъ неожиданно и жестоко.

Онъ пріѣхалъ въ пору :

При первомъ извѣстїи о своей поперѣ спарикъ былъ пораженъ ударомъ паралича и Гуспавъ успѣлъ только закрыть ему глаза.

И шакъ , Герой нашъ оспался сиропною съ полной волею и пущыми карманами. Онъ оплакалъ своего опца, оплакалъ его искренно и горько ; но при всей его горести мысль о будущемъ ни разу не коснулась его сердца. Онъ ни разу не пожалѣлъ о прекрасномъ соспоянїи , котораго лишился. Въ двадцать два года жизнь предспавляешся намъ обильною , широкою и цвѣшущей перспекшивой : воображенїе говорїшь въ насъ громче всѣхъ другихъ ощущенїй , и шакъ смѣло спремишся на обширное поприще бы-

шія, чшо не видипть на немъ ни препяшсшвій, ни горя и оспа-новки.

И кшо бы подумаль? Въ Гуспавѣ родилось чувсшво, даже похожее на гордосшь, когда онъ увидалъ себя безъ подпоры, лицемъ къ лицу съ судьбою и могъ сказапть въ душѣ: «Я спану съ ней боропься, я поборю ее, и самъ ошкрою себѣ будущносшь!»

Цецилія выжидала полько време-ни; когда сыновнее сердце Гусшава облегчипть свое спраданіе и по-помъ первая мысль ея была уви-дашь и ушѣшпшь несчасшливца.

Кажешся, новое положеніе Гуспшава, не должно было измѣ-нишь намѣреній Вердье; но мо-лодой человекъ не шерялъ надеж-

ды и рѣшился на новую попытку.

Семейныя ссоры давно уже охолодили къ покойному Лебрюню всѣхъ его родныхъ. Они не видѣли въ немъ капипальнаго достоинства, которое въ ихъ глазахъ придаетъ каждому человѣку на спароспи лѣшъ почтительность и уваженіе. Онъ не оставлялъ по себѣ богатаго наслѣдства, за которое они могли бы рваться и шагаться по смерти его; и которое при жизни, какъ священный магнитъ, привлекало бы къ нему ихъ любовь, ихъ поздравленія въ дни именинъ, ихъ угодительность и вниманіе, ихъ ласки ко всѣмъ домашнимъ, даже къ дворному щенку хозяина, хотя бы онъ былъ грязень и гадокъ. Да и

почему бы не шакъ? Чѣмъ собака хуже другихъ вещей, копорья уважаюшъ грядущіе наследники ?

И шакъ, Гусшавъ очень мало забошился о своихъ дядюшкахъ и шешушкахъ: онъ ничего не могъ опъ нихъ ожидать, кромѣ сожаленій и совѣшовъ, копорые они роздаюшъ даромъ. За шо и эши добрые люди съ своей спороны, опнюдь не думали объ Гусшавѣ.

Одинъ шарый другъ его опца предложилъ ему изъ сосшраданія мѣспо прикащика въ своей лавкѣ: Гусшавъ поблагодарилъ его и — опказался. Другое призваніе его ожидало: онъ избралъ себѣ другую дорогу, дорогу — на копорой предспавлялось сущеспвова-

ніе полное оспрады и наслаженія : куда манила его слава — свѣшлая и громкая , гошова разгорѣшься и заблнспашь надь его головою.

Призваніе эпо — была Поэзія !

Дорога эша — были помоспки Театра !

А Юриспруденція ? — Но вы знаёше , какъ ею занимался Гуспавъ. И чшо за мысль идиши въ Адвокашы , или Ношаріусы ? заводншься коншорою , писцами , законами , дѣлами... Какая проза жизни ! — И скоро ли заведешься всей эшой челядью !... Коншора , дипломы , писцы и процессы... шушка сказаць ; а въ одинъ день всего не наберешь !... То-ли дѣло Поэзія и Парижъ ! Парижъ и Театры ! Парижъ ! волшебный , оча-

ровашельный Парижъ , со всѣми его обольщеніями и блескомъ , гошовый съ воспоргомъ приняшь , лелѣяшь , баловашь и возвеличишь Поэша !

Я вамъ сказываль , что Гушавъ сбирался идиши къ шарому Вердѣ съ вшоричнымъ предложеніемъ.

Любовь Цециліи почерпала въ его несчастіяхъ новыя силы и выразишельность: она ждала безъ шрепеша , ей было все равно , что бы ни сказаль опецъ : судьба ея была ужъ навѣки связана съ судьбою молодаго поэша.

Будь онъ богашъ : Цецилія , можешъ бышь , покорилась бы волѣ опца своего , хопя для сердца ея эшо было бѣ ядовишымъ

кинжаломъ ; но Гуспавъ въ нищепѣ , Гуспавъ сирота ! Покинушь его шеперь и низко и безчестно ! И Цецилія создала себѣ какой-то долгъ любви и преданности , кошорому съ величайшимъ самоопроверженіемъ гошова была пожертвовашь всѣми прочими обязанностями .

И когда Вердье , не взирая на просьбы Гуспава , на слезы и опчаяніе своей дочери , опнялъ у несчастныхъ любовниковъ послѣднюю надежду ; Цецилія вдругъ приняла спокойный видъ и вышла изъ комнашы съ величайшимъ равнодушіемъ . Но кому знакомы порывы сердца челоувческаго , кшо извѣдалъ всѣ его бури , шопъ съ перваго взгляда замѣшилъ бы въ эшомъ гибель-

номъ равнодушїи швердую и ужасную рѣшимоспъ *на всё*.

Цецилія была блѣднѣе савана и не проронила ни одной слезы.

Черезъ чешыре дни послѣ сего произшествїя Густавъ и Цецилія прїѣхали въ Парижъ — вмѣстѣ — въ Безансонской почтовой каретѣ, и осшановились въ одной изъ лучшихъ госшинницъ.

О! предсшавъше себѣ ихъ блаженспво! ихъ упоеніе! Ихъ прогулки въ обширной сполїцѣ — вдвоемъ — среди безчисленной шолпы народа! ихъ долгїя, усладшельныя бесѣды подъ шѣнью Тюльерїйскихъ липъ при закатѣ лѣшняго вечера!

Такъ провели они первую недѣлю послѣ своего прїѣзда.

Раскаянье молчало въ сердцѣ Цециліи ; или лучше скажешь, она спаралась заглушиць его полношюй любви своей, воспоргами своего счасшя. Къ тому-жь она не боялась, чшобъ отецъ спалъ ее искашь и преслѣдовашь. И въ самомъ дѣлѣ, Вердые очень хорошо зналъ по какой дорогѣ они ушли, но онъ и не думалъ ѣхашъ за ними въ Парижъ. Ни одна слезинка не навернулась на рѣсницѣ спарика : «Цецилія мнѣ не дочь!» думалъ онъ и осшавался спокойнымъ. Жалкая увѣренность! Горькій обманъ ! Но они происпекали опъ благороднаго, високаго чувсшва ! Опъ чувсшва чесши, — до-

веденнаго до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Ему казалось, что онъ погрѣшилъ прошивъ своего харакшера, если шеперь уважишь порывъ опчаянія своей дочери, тогда, какъ прежде не внималъ ея просьбамъ и слезамъ.

Вердье дѣйствовалъ по своему убѣжденію, хорошо ли онъ дѣйствовалъ мы увидимъ.

На первый случай, все имѣніе Гуспава соспояло въ соннѣ луидоровъ. Онъ получилъ ихъ, какъ благодѣяніе какое нибудь, опъ Жида, кошорый вышорговалъ у него старую мебель опца, навѣрное спойвшую въ шрое дороже.

Въ первые дни пріѣзда въ Парижъ Гуспавъ не жалѣлъ де-

негъ : надо было показашь Цециліи столицу , ея прелести и шеапры ! Надо было доспавишь ей всѣ возможныя удовольствія , обворожишь ее, надо было, чшобъ она сама обворожала красошой и нарядомъ. . . . и Гуспавъ сорилъ деньгами — и Цецилія была шакъ блаженна его любовью , чшо не имѣла духа побранишь его за расшочипельность. А сверхъ шого у Гуспава было сполько шрудовъ ввиду , сполько надеждъ впереди! . . . шрудовъ самыхъ вѣрныхъ ! надеждъ самыхъ основательныхъ , напередъ расчисленныхъ .

Онъ началъ приводишь въ порядокъ собраніе своихъ стихошвореній , плоды спуденческаго досуга , оды , элегіи , спансы и любовныя мечпанія .

И все это онъ читалъ Цециліи.

И Цецилія, слушая его, плакала отъ радости и удивленія.

И Гусшавъ надѣялся, что какойнибудь книгопродавецъ выслушаетъ стихи его съ такимъ же восхищеніемъ и превратитъ ихъ въ пучекъ банковыхъ билетовъ; и пошелъ къ одному изъ знаменитѣйшихъ нашихъ издателей.

При словѣ *стихотворенія*, книгопродавецъ прервалъ его и объявилъ, что публика не любитъ стиховъ и что они нейдутъ съ рукъ. Онъ не почелъ даже за нужное ихъ выслушать.

Гусшавъ явился къ Цециліи съ пасмурнымъ лицомъ. Первая не-

удача его опечалила. Но онъ скоро ушѣшился: ему пришла на мысль Комедія въ пяши дѣйствіяхъ и въ стихахъ, копорую онъ нѣкогда сочинилъ подь Люксамбургскими кашшанами въ шо время, какъ Профессоры Деманшъ и Бенье, чишали народное и гражданское право въ Юридической аудиторіи.

Гусшавъ бросился въ Дирекцію одного изъ Парижскихъ шеашровъ.

Ему предложили оставишь рукопись; щцашельно перемѣшили спраницы и занесли ее въ книгу подь N° 36,864 мъ и пошомъ самымъ вѣжливымъ образомъ попросили зайши недѣли черезъ шри, чшобъ узнашь, удосшоена ли она

проченія въ комишетѣ аршишовѣ.

Эштѣ при недѣли ужасно испугали Гусшава.

Онѣ возвращилсѣ домой съ веселымѣ и довольнымѣ видомѣ; но дней черезѣ пяштѣ, подѣ предлогомѣ, чшо воздухѣ слишкомѣ сперштѣ и душенѣ въ ихѣ кваршалѣ, предложилѣ Цециліи промѣняштѣ пышные покои, занимаемые ими въ модной госпинницѣ, на проспенькую кварширу въ часпи города, болѣе опдаленной оштѣ средопочія Парижа.

О! какѣ ужасно, какѣ мучительно принужденіе!

Эшо—предшеча бѣдноспи! Эшо—предчувсшвіе нищешы! Нищешы, копорая ничшожна для человѣка одинакого, молодого, пол-

наго силы и надеждъ , и копорая спановишся змѣею и гложешъ грудь его , когда учасъ его раздѣлена , когда онъ видишь , что сущесство , любимое имъ больше всего на свѣшъ въ шайнѣ спрадаешъ его мученіями, испаеваешъ ошъ его безпокойсшва.

Какъ при вѣчноспи пропекали для Гусшава эшъ при недѣли. Но вошъ насшаль послѣдній день и онъ побѣжалъ въ Театръ.

Тамъ непонимали объ чемъ онъ хлопочешъ ; когда-же онъ объяснилъ причину своего прихода, шо его попросили повременишь еще мѣсяць.

Мѣсяць ! мѣсяць !

И шошъ , копорой такъ безчеловѣчно испышывалъ его шерпѣ-

ніе , въ эшо время весело разговариваль съ пріятелемъ о кавалькадѣ за городъ, на кошорую они не хошѣли жалѣшь никакихъ издержекъ , шогда какъ Гуспавъ принужденъ былъ бѣжашъ въ локушнѣй рядъ и продашъ часпъ своего гордероба — чшобъ имѣшъ пропишаніе на нѣсколько днѣй.

Но онъ не показаль даже вида чшо эшо его огорчило , преравнодушно раскланялся и вышелъ съ опчаяніемъ въ душѣ.

Цецилія прешій день лежала въ постелѣ. Болѣзнь ея была серіозна и докшоръ прописаль довольно дорогія лѣкаршва.

Гуспавъ продалъ часпъ своего плашья , и купиль все нужное въ Апшекѣ.

На слѣдующій день они должны были переѣхать : кваршира была для нихъ слишкомъ дорога.

Въ спраданіяхъ болѣзни Цецилія рѣшилась написать къ роднымъ : но не открыла имъ всей испины. Недѣлю надо было ждашь опвѣща.

Бѣдствія ихъ начались съ принужденія ; непримѣпно прокрадась къ нимъ бѣднось ; а теперь они познакомились даже съ нуждою.

Все время, въ кошорое Гусшавъ могъ урваться опъ одра Цециліи, онъ бѣгалъ по книжнымъ лавкамъ, прося работы. И что же ? Нѣкогда пламенный и гордый поэтъ, такъ смѣло глядѣвшій въ будущность и взлелѣявшій споль-

ко блестящихъ призраковъ, онъ теперь гошовъ былъ унизишься до переписки ничшожныхъ и мѣлкихъ рапсодій. лишперашурныхъ промышленниковъ и — не находилъ ихъ.

Наконецъ надъ нимъ сжалился нѣкшо Раймондъ, одинъ изъ его земляковъ и соповарищѣй, давно уже посвященный въ шаинспва лишперашурныхъ обороповъ и кошорый въ это время прудился надъ сосшавленіемъ памяшныхъ записокъ какого-то извѣснаго лица въ древноспи, по всѣмъ вѣрояшіямъ и хроникамъ не умѣвашаго ни писашь, ни чипашь. Опъ души смѣясь надъ поэшическими мечшами Гуспава, онъ обѣщался поговорить объ немъ съ однимъ книгопродавцемъ, съ кошорымъ находился въ сношеніяхъ.

Денегъ Раймондъ вѣрно не далъ бы ему въ займы, да и самъ Гуспавъ ни за что на свѣпѣ не признался бы ему въ своей крайности.

Между тѣмъ положеніе Цециліи день ошо дня спановилось хуже: болѣзнь возрасшала. Богатые уборы и модныя плашья, купленные въ первые дни счасшя, исчезали одно за другимъ.

И вошъ наконецъ явилась къ нимъ нищеша.

Вы шеперь догадываешесь, кпо эша молодая дѣвушка, кошорая въ одиночесшвѣ и болѣзни скучала въ бѣдной лачужкѣ Кокенарской улицы и сжимала рукою письмо.

Вы догадываетесь, кто эпошь молодой человекъ, который съ такой поспѣшностью пробѣгалъ длинные Парижскіе бульвары и распалкивалъ локшями проходящихъ.

IV.

Живошворный луч радости освѣшилъ вдругъ блѣдное лице Цециліи: на лѣспницѣ услышала она знакомую поспушь, дверь распахнулась и—явился Гуспавъ.

Онъ бѣжитъ къ постели, схватываетъ ея руку, которую она съ большимъ усиліемъ ему протягиваетъ и покрываетъ ее поцѣлуями :

— « Ну что, Цецилія ! Какъ ты себя чувствуешь ? »

— Мнѣ легче ! гораздо легче ! отвѣчаетъ она.

Гусшавъ увидаль письмо :

— « Вѣрно опъ опца швоего ? » и онъ съ жадностью началъ его читать, но вдругъ раздался стукъ у дверей.

— « Ахъ ! » — вскричалъ Гусшавъ, — нынче первое число ; хозяинъ вѣрно узналъ о нашей бѣдности и боится, что я не буду въ состояніи заплашить ему за наемъ ! »

Онъ кинулся оппираться дверь, и къ величайшей своей радости, увидѣль, что ошибся : къ нему вошелъ не хозяинъ, но кто-то незнакомый.

Онъ принялъ гостя въ маленькой комнашѣ, смѣжной съ спальнею Цециліи.

Они поговорили минушъ десяти.

— « Да! да! — сказалъ книгопродавецъ, драпируясь своимъ широкимъ плащемъ, — « мнѣ много говорили объ вашихъ способностяхъ, объ вашемъ умѣ, особливо Г. Раймонъ... а я, знаете, люблю поощрять людей съ дарованіемъ... надо ихъ занимать, давать имъ работы, — чтобы жаръ

не проспывалъ , не шакъ ли?....
А, — знаеште , я вамъ скажу , вы
очень высоко живеште !... Очень ,
очень высоко !... Ничего ! Ничего !
не конфузшесь ! Всѣ гелзкїе писа-
тели шакъ начинали И , по-
вѣрьше , на чердакахъ шолько оби-
таюшъ испинное счасшїе и ра-
досшъ Со временемъ вы конеч-
но найм еше бель-эшажъ А знае-
ше , я вамъ скажу , у меня до
сихъ поръ колѣнки ломишъ — опъ
вашей прокляшой лѣсшницы
Шесшъ эшажей — легко сказашъ ! —
Хорошо еше , чшо я не опшу-
спилъ кабріолешку домой . »

— « Я право »

— « Ну , шакъ дѣло кончено .
Я вамъ сказалъ , чшо мнѣ на-
добно : чшо нибудь , эшакъ знае-

ше — веселенькое, шушливое.....

Плачь о паденіи Министра! . . .

Ха! ха! ха! да эшо я вамъ скажу, будешъ имѣшь адскій успѣхъ. я шисау десять заводовъ.... ш. е. 12,000 экземпляровъ, а 12,000, по пиапидесяши саншимъ за экземпляръ, соспавяшъ.... соспавяшъ. . . . Ну! да чшо объ эшомъ шолковашъ! Такъ завшра ушромъ будешъ все гошово? Непремѣнно?... чеспное слово?....

— «Непремѣнно! будше покойны.... чшождъ касаетса до цѣны....»

— Шесшдешашь франковъ— эшо спашья рѣшеная! . . . Я вамъ сказываю, чшо я люблю поощряшь молодыхъ людей, кошорые чшо нибудь обѣщающъ.... Такъ извольше-ка изгошовишь піэску, я вамъ

скажу — и въ пошъ-же часъ, получите шесшдесятъ полновѣсныхъ франковъ. »

— « Очень хорошо. » — Ошвѣчалъ Гусшавъ.

Ахъ ! еслибъ онъ могъ попросишь хопъ одинъ франкъ задашку ! Какъ бы онъ пришель ему къ спашѣ. Но чувсшво гордосши его удерживало : онъ еще не заслужиль эшихъ денегъ , — онъ долженъ былъ ихъ получишь завпра , а не сегодня. А просишь у незнакомца, по его мнѣнію было все шоже , что просишь милошпню.

— Такъ , прощайте ! я вамъ скажу..... Завпра въ семь часовъ я пришлю къ вамъ моего прикащика съ деньгами , а вы попру-

дишесь опдашь ему сочиненьице !
До свиданья ! до свиданья ! Очень
радъ , чшо съ вами познакомил-
ся ! »

Книгопродавецъ закушался въ
широкія складки своего плаща
на боганомъ шелковомъ подбоѣ ,
попомъ съ величайшею оспорож-
носшію пошелъ съ лѣспницы ,
какъ человекъ , непривыкшій хо-
дишь по чердакамъ , и минушу
спусся , по мосповой задрезбез-
жали колесы красиваго кабріоле-
па , запряженнаго безподобнымъ,
пѣгимъ Андалузскимъ жеребцемъ.

Едва книгопродавецъ вышелъ
изъ комнашы , какъ Гуспавъ съ
оспорожноспію опвориль чупъ
живую дверь въ спальню Цеци-
ліи.

— « Цецилія ! другъ мой ! ра-

дуйся! — закричалъ онъ — «У меня сей часъ былъ книгопродавецъ и заказалъ мнѣ сшихи. Завпра они должны бышь гошовы! Завпра мы разбогашѣемъ... Завпра будушь у насъ деньги..... шестъдесять франковъ!... Раймондъ сдержалъ слово: онъ доспавилъ мнѣ эту рабошу.

— Завпра!... опвѣчала она слабымъ голосомъ.

И молнья радости озарила на минушу блѣдное лице молодой дѣвушки. Она съ усиліемъ подняла руку съ одѣяла и нѣжно пожала руку Гуспава.

— «Тепло-ли шебъ?» спросилъ онъ, — «нынче вдвое холоднѣй прошивъ вчерашняго.»

— «Тепло; — опвѣчала она

шы накупалъ на меня все свое плашье; но шы самъ забнешь.....

И въ самомъ дѣлѣ Гусшавъ собралъ всю шеплую одежду, копорая у нихъ осшавалась и накрылъ ею больную.

Въ эту минушу сухой, оспрый кашель съ рѣзкимъ свиспомъ прервалъ слова молодой дѣвушки.

—«Опяшь п рокляшый кашель!»— вскричалъ Гусшавъ въ опчаяніи.... онъ не пересшаетъ шебя мучишь. Мой Ангель! выпей ложечьку декокшу, чшо докшоръ шебѣ вчера прописалъ.

И онъ взялъ сшклянку, копорая спояла у кроваши, но.....

Сшклянка была пуста.

— « Онъ весь ! . . . ни капли ! . . . ни одной капли ! О Боже мой ! Боже мой ! »

— Успокойся ! другъ мой ! Завтра у насъ будущъ деньги шы самъ сказалъ

— « Завтра ! — Завтра ! До завтра далеко . . . а сегодня шы спрадаешь ! . . . Я былъ вездѣ . . . всѣхъ обѣгалъ : Раймондъ уѣхалъ въ деревню . . . другихъ друзей у меня нѣтъ ! Я бы заложилъ, продалъ чтонибудь . . . нечего ! Все , что было — ушло . . . даже кольцо — моей матери . . .

И онъ закрылъ лице руками — и зарыдалъ.

— « И все для меня ! сказала Цецилія — я довела себя до этой крайности , моя безумная любовь моя болѣзнь ишощила всѣ свои средства

— «Цецилія! Ради самаго Бога! не говори эшого! ты разрываешь мое сердце.... Я.... я одинъ виновенъ! Я долженъ умолять тебя о прощеніи: я привязалъ тебя неразрывно къ моему злополучію, я вовлекъ тебя въ адъ моего сущесшвованія.... Цецилія! будь великодушна! Покинь меня! Покорись ошцу своему!....

— «Тебя покинушь! Моего Гуспава! Мою жизнь! Мое счастье! Нѣтъ! Опець мой слишкомъ дорого просишь за свое прощеніе.

И принуждая себя къ мучительной улыбкѣ, она продолжала:

— «И какъ тебѣ не стыдно, другъ мой! такая бездѣлица тебя превожитъ, огорчаетъ, доводитъ до опчаянія! — А свои

мечшы о будущемъ , о славѣ ? . . .
Твои надежды , планы , предпріятія ? — Все забыто ! Полно ! — Ребенокъ ! — Спыдись — послушай : мнѣ говоришь какое-то предчувствіе , что новое это сочиненіе дославипъ шебѣ извѣстность и ошкроетъ дорогу Чшо-же ты думаешь ? Проворно , сударь ! — За работу ! Соберипесь съ духомъ : вамъ надо показать весь свой талантъ .

— « Писать и думать , когда я вижу , что ты страдаешь ! Ищешь веселости и оспрыхъ словъ , когда твои мученія исперзали всю мою душу ! »

— « Мнѣ легче ! говорятъ шебѣ : мнѣ легче ! — Полно , другъ мой ! садись ; возь перо и бумага : пиши !

Не забудь, что завтра упрямъ спихи должны бышь гошовъ.

— Правда! За эпу убійспвенную веселосшь, я завтра пріобрѣшу всѣ средства облегчить свои спраданія... я куплю всѣ лекарства... и такъ за дѣло....

Между шѣмъ была ужъ глубокая ночь.

Гусшавъ придвинулъ споликъ къ кровати Цециліи, поставилъ на него баночку, въ которой печально догоралъ осшашокъ фишиля и масла, взялъ перо — и началъ писать.

Цецилія приняла спокойный видъ, и всячески спаралась удержашься опъ кашля.

Гусшавъ изрѣдка на нее поглядывалъ : она лежала передъ нимъ

мирно и тихо, какъ младенецъ въ колыбели; мало по малу онъ ободрился и написалъ первый куплешъ.

— « Изрядно! » — сказалъ онъ самъ себѣ, перечишывая и поправляя его, — « очень изрядно. Цецилія! другъ мой! а я ужъ написалъ одинъ куплешъ! Послушай! »

— Онъ очень забавенъ — сказала Цецилія съ величайшимъ усиліемъ: она спрадала неимо- вѣрно.

Такъ всегда бываетъ съ писа- шелями; споило похвалишь пер- вый куплешъ, и воображеніе Гу- спава разгорѣлось и шворческій духъ въ немъ закипѣлъ. Тотчасъ явился вшорой, а шамъ шрешій

и четвертый куплешы — и всё они были преуморительны.

Онъ ихъ написалъ подь извѣстный водевильный мошивъ, кошорый былъ тогда въ модѣ, и чѣмъ болѣе спихошвореніе его росло, шѣмъ болѣе онъ имъ восхищался, — а Цецилія спановилась все спокойнѣе и, повидимому, совсѣмъ переспавала спрадашь.

Гуспавъ совершенно предался шворческому увлеченію, и въ жару поэшическомъ не замѣчалъ и не чувспвовалъ, что холодъ ледѣнилъ его руки и шѣло.....

А ночь тяжко и медленно прошекала — въ вѣчность.

Первые лучи упренной зари блеснули въ окно и блеснули очень кшашъ, потому что ма-

сло въ баночкѣ все выгорѣло и фишиль едва мерцая, догоралъ съ какимъ то грустнымъ, судорожнымъ прескомъ.

— « Цецилія! душа моя! — еще одинъ куплешъ и работа моя кончена!... Взгляни въ окно: ужъ разсвѣшаетъ... черезъ часъ намъ принесутъ деньги! Слышишь ли, мой Ангелъ? . . . »

— Слава Богу! другъ мой — опвѣчала Цецилія едва слышнымъ голосомъ.

Глаза ея закрылись... она изнемогала.

— « Ты хочешь почивать!... Спи! спи! мой Ангелъ! . . . сонъ тебя немного подкрѣпитъ. »

Онъ еще ревностнѣе принялся за работу.

Наконецъ и послѣдній куплетъ былъ написанъ.

Онъ перечелъ все стихошвореніе, отъ начала до конца.

— « Кончено! кончено! — восклицалъ онъ съ восхищеніемъ. — Какъ я счастливъ! Мы спасены! — Чшо-жь они нейдуть за ними до сихъ поръ? »

И каждая минуша — была жгучею пышкой для его шерпънія.

Наконецъ ударили въ дверь.

Гусшавъ вскочилъ и бросилъ ошпирашь.

Прикащикъ книгопродавца принесъ ему шешъдесятъ франковъ, и взялъ отъ него рукопись.

Никогда поэтъ не бралъ плашы за свое швореніе съ шакимъ во-

споргомъ , какъ Гуспавъ въ эту минушу.

Шесъдесятъ франковъ были для него золошыми родниками Перу.

Онъ опрометью кинулся къ кровати Цециліи; но его приближеніе ее не разбудило.

— « Какъ она крѣпко спитъ ! » подумалъ онъ , — « Тѣмъ лучше— ей нуженъ ошдыхъ ! »

Онъ положилъ ей руку на сердце, чшобъ услышашъ , какъ оно бьешся ; но сердце ея не билось.

Онъ схватилъ ее за руку; рука была холодна.

Гуспавъ вскрикнулъ — и нѣшъ словъ , чшобъ выразишъ эшошъ болѣзненный крикъ.

Приказчикъ пробормоталъ нѣ-
сколько словъ , выражавшихъ его
удивленіе и соспрананіе , и спѣ-
шилъ домой , попому , что хо-
зяинъ съ неперпѣніемъ ждалъ
спиховъ , чшобъ ихъ поскорѣй
напечашашъ.

V.

Цецилію свезли на кладбище на бѣдныхъ дорогахъ и безъ провожаемыхъ.

Гусшавъ сошелъ съ ума.

Куплешы его имѣли чрезвычайный успѣхъ, и плѣняли всѣхъ своей

наивностію и острошюй. Лѣтъ пяшь или шешъ шому назадъ, вся Франція забавлялась ими цѣлую недѣлю.

Ихъ приписали одному извѣстному Липшерашору; онъ не слишкомъ горячо защищался и какъ-будто изъ одной шолько скромности, сшарался опровергнушь общешвенное мнѣніе и ложную догадку публики.

ИСПАНСКАЯ ЧЕСТЬ.

ПОВѢСТЬ

Бальзака.

1825.

Въ 1823 и 1824 годахъ, послѣ экспедиціи въ Испанію Людовика XVIII-го для спасенія Фердинанда VII-го опіъ Конспишуціи, переѣзжая черезъ Пиринеи мнѣ

случилось прожить нѣсколько дней въ Турѣ.

Наканунѣ отъѣзда, былъ я на балѣ у одной дамы, копорая славилась во всемъ городѣ своимъ умомъ и любезностью, а надо вамъ сказать, что въ Турѣ гораздо больше общежитія и веселости, чѣмъ во многихъ провинціальныхъ споллицахъ. Передъ ужиномъ — (шамъ еще ужинающъ) — я подошелъ къ нѣсколькимъ мужчинамъ собравшимся въ кружокъ, копорымъ незнакомый мнѣ человекъ что-то рассказывалъ.

Онъ пріѣхалъ шуда, кажешся отъ окружнаго Генерала, у котораго обѣдалъ, и сѣлъ за экарше; часно пасовалъ, наконецъ побѣжденный карабинернымъ Подпоручикомъ, кончилъ къ большому удовольствію проигрывавшихъ за

него закладчиковъ, и съ горя вмѣшался въ разговоръ объ Испаніи, обыкновенный предметъ безконечныхъ и бесполезныхъ разсказовъ.

Въ продолженіе разговора, съ невольнымъ любопытствомъ вглядывался я въ лице и въ осанку разсказчика. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, копорые оставляють наблюдателя въ сомнѣніи:— причислишь ли ихъ къ незамѣченнымъ гениямъ или къ обыкновеннымъ пройдохамъ.

Къ тому же онъ носилъ красную ленточку въ петличкѣ, хотя эшопъ, знакъ опличія ничего не придавалъ ему особеннаго. Фракъ на немъ былъ зеленый, тогда какъ приличіе требовало чернаго; на башмакахъ вмѣсто баншиковъ сверкали спальные пряжки; кази-

мировые, испасканные панталоны и, песпрый галесухъ, небрежно повязанный, довершали его ко-спюмъ. Словомъ все говорило, чпо онъ не слишкомъ занимался нарядомъ, какъ будто аршиспъ какой нибудь.

Ухвашки и голосъ его были какъ-то пошлы; лице, побагровѣвшее опъ шруднаго вищеваренія, ни одною рѣзкой чершой не возвышало его физиогноміи; лобъ опкрышый, волосъ мало. Судя по все-му эшому, я не зналъ, почеспъ ли его Совѣшникомъ Префекшуры, или старымъ Военнымъ Комиссаромъ; но когда онъ по подъячески положилъ руку на рукавъ своего сосѣда, я шопчасъ понизилъ его въ классъ писарей, канцеляри-сповъ и ябедниковъ.

Наконецъ я совершенно убѣдил-

ся въ почности моихъ наблюде-
ній, замѣня, что всѣ слушали
шолько разсказъ его, но никшо
не дарилъ его шѣми внимащель-
ными и благосклонными взгляда-
ми, копорые обыкновенно обра-
щающъ на людей, уважаемыхъ
въ обществѣ.

Представше себѣ чловѣка,
безпресшанно нюхающаго шабакъ,
копорый шоропился говорить,
боясь, что его не дослушающъ;
но говоришь легко, плавно, ко-
ропко и рѣзко, и шупливъ и
осперъ, какъ полковой весельчакъ.

Чтобъ избѣжашъ непрерыв-
ныхъ опсшуплений, я осшавлю
языкъ разговорный и дамъ моему
разсказу слоги повѣспвоващель-
ный—необходимый, когда бѣглый
разговоръ переходитъ въ печашь.

Вскорѣ по занятіи Мадрида , Великій Герцогъ Бергскій пригласилъ значительнѣйшихъ жителей на праздникъ , данный Французскою арміею завоеванной столицѣ. Не смотря на шумъ пиршества , Испанцы были не слишкомъ веселы , дамы ихъ танцовали мало , вообще госпи больше играли , и много выигрывали и проигрывали.

Сады были освѣщены ярко , и дамы могли прогуливаться также безопасно , какъ среди дня.... Праздникъ былъ царскій ; ничего не было упущено изъ виду , чтобы дать Испанцамъ высокое понятие объ Императорѣ , если бы они вздумали судить объ немъ по его офицерамъ.

Въ одной бесѣдкѣ , близъ двор-

ца , часу во впоромъ ночи , многіе Французскіе офицеры толковали о бивуачныхъ походахъ и не слишкомъ пріятной будущности , которую предсказывала имъ наружность даже тѣхъ Испанцевъ , которые собрались на пышномъ праздникѣ .

— « Признаюсь по совѣсти » — говорилъ одинъ Французъ , (по видимому корпусной докторъ) — « вчера я рѣшишельно просилъ опсшавки у Мюраца . Хотя я и не боюсь сложить за Пиренеями голову , но предпочитаю опправиться залечивашъ раны , наносимыя добрыми нашими сосѣдями — Нѣмцами : ихъ оружіе не такъ глубоко входитъ въ шѣло , какъ кинжалы Каспильскіе Припомъ чувство боязни къ Испанцамъ обрашилось у меня поч-

ши въ суевѣріе... Съ дѣтства чи-
шаль я Испанскія книги, это обо-
рище мрачныхъ приключеній и
повѣстей; и оно поселило во мнѣ
оповращеніе къ здѣшней испранѣ
и къ ея нравамъ..... Со всщупленія
нашего въ Мадридъ, мнѣ уже
случилось бытъ, если не геро-
емъ, то по крайней мѣрѣ учасп-
никомъ въ произшествіи мрач-
номъ и шайнственномъ, какъ ро-
манъ Леди Радклифъ. . . . А такъ
какъ я сильно вѣрю въ предчув-
ствія, то завтра же опсправля-
юсь опсюда.. Мюраръ вѣрно
мнѣ не опкажетъ, попому что
нашъ бранъ докторъ, благодаря
особеннымъ шайнымъ услугамъ,
всегда имѣетъ сильное покрови-
тельство...»

«Но разскажи намъ по крайней

мѣрь свое приключеніе!» — закричалъ одинъ Полковникъ, спарый республиканецъ, не гонявшійся за красотою языка и придворными учтивостями.

Тупъ корпусный хирургъ, внимашельно осмошрѣвшисъ, какъ бы взглядываясь въ окружающихъ, и не замѣпя ни одного Испандца, началъ говорить:

— «Здѣсь кажешся все Французы — извольше, Полковникъ:

Дней семь шому назадъ, часовъ въ 11 ночи, спокойно шель я домой опъ Генерала Лапура, живущаго близехонько, въ одной со мной улицѣ; мы вмѣспѣ были у дежурнаго Генерала, гдѣ порядкомъ подгуляли.

Вдругъ; на углу улицы, двое

незнакомыхъ , или лучше ска-
зашь два чорша, бросились на меня
и съ головой и руками окушали ме-
ня въ огромный плащъ. Я закри-
чалъ, какъ бѣшеная собака; но сукно
перехватило мнѣ горло... попомъ
засадилъ меня въ спокойную каре-
шу , погнали во всю мочь... и
когда мои шоварищи освободили
меня изъ-подъ проклятаго плаща,
я услышалъ женскій голосъ , ко-
шорый на дурномъ Французскомъ
языкѣ заговорилъ слѣдующія не
очень ласковыя слова :

« Если вы закричите или взду-
маете бѣжашь , если сдѣлаете
хошя одно сомнительное движе-
ніе , шо господинъ , кошорый си-
дидь напрошивъ васъ , немедлен-
но поразидь васъ кинжаломъ. Си-
диде - жь смирно ! Теперь скажу

вамъ о причинѣ вашего похищенія... Попрудись просянущь ко мнѣ руку, пощупайте... Вошь ваши хирургическіе инструменшы, мы взяли ихъ у васъ въ домѣ, опъ вашего имени — они вамъ понадобятся. — Мы веземъ васъ въ домъ, гдѣ ваше присутствіе необходимо. Должно спасти честь молодой дамы. Она даритъ своего любовника ребенкомъ — безъ вѣдома мужа. Хотя сей послѣдній рѣдко покидаетъ жену, въ кошорую влюбленъ спрасшно, и надзираетъ за ней со всею заботливостию Испанской ревности, она успѣла ушайшь опъ него свою беременность. Онъ почиаетъ ее больною. Мы веземъ васъ приняшь младенца. И шакъ, вы видите, что здѣсь нѣтъ для васъ ничего опаснаго: шолько будыше

послушны — или другъ эпой дамы, копорый сидишь прошивъ васъ и ни слова не знаешь по Французски, заколешь васъ при малѣйшей неоспорожности...»

— А кто вы? — спросилъ я говорившую, схвативъ ее за руку, копорую покрывалъ мужской мундиръ.

«Я ея камериспка и повѣренная, и гошова наградишь васъ, если вы искусно пособите въ нашемъ шрудномъ положеніи.»

— Охотно, — ошвѣчалъ я, видя себя прошивъ воли замѣшаннымъ въ это опасное приключеніе.

Тогда, благодаря шемношѣ, я началъ повѣрять, согласна-ли наружность повѣренной съ идеею,

копоруо внушилъ мнѣ звукъ ея голоса.

Казалось, она напередъ пригосовилась ко всѣмъ случайностямъ, эшаго спраннаго произшесствія; ибо хранила самое снисходительное молчаніе, и десяти минуть не проѣхали мы по Мадрипу, какъ она получила и возврашила мнѣ спраспный поцѣлуй.

Господинъ, сидѣвшій напрошивъ, совсѣмъ не обижался нѣсколькими полчками, копорые совершенно невольнo я даль ему ногою; но онъ, вѣрояпно, попому не обрашилъ на эшо вниманія, чшо не понималъ по Французски.

«Только съ условіемъ я могу подарить васъ моею благосклонноспію!» сказала мнѣ камариска въ опвѣщъ

на разныя глупости, съ кошоры-ми приспупаль я къ ней, увлека-ясь пылкостью спраши, кошорая вдругъ во мнѣ разгорѣлась и для кошорой кареша спановилась слиш-комъ пѣсною....

— Съ какимъ?....

« Не спарайшесь разыскивать , у кого я служу: и я буду выдашья съ вами каждую ночь и.....

Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ: кареша подѣхала къ садовой оградѣ и остановилась у калишки.

« Позвольте завязать вамъ гла-за » — сказала она — « держи-тесь за мою руку и спупайте за мной.»

Тутъ наложила она мнѣ пол-сый плашокъ на глаза, и накрѣп-

ко стянула его въ узелъ на запылкѣ.

Я услышалъ, что оспорожно вложили ключъ въ замокъ калишки; безъ сомнѣнiя, это сдѣлалъ молчаливый любовникъ, ѣхавшій прошивъ меня, и вскорѣ ловкая горничная повела меня по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ сада и, доведя куда-то, оспановилась.

По звуку шаговъ нашихъ, мнѣ казалось, что мы подошли къ дому.

«Теперь молчите» — сказала она мнѣ на ухо — «и будьте какъ можно оспорожнѣй!.. А когда мы придемъ на мѣсто, не спускайте съ меня глазъ, наблюдайте за каждымъ моимъ знакомъ, потому что мнѣ не лъзя больше говорить; это можешъ намъ обоимъ повре-

дишь: опшь шеперешней минушы зависишь жизнь ваша.»

Пошомъ шихонько прибавила :

«Госпожа въ нижнемъ эшажѣ, но къ ней пройди надобно черезъ комнашу мужа, мимо его посмели; идише смирно, не кашляйше, держишесь за меня, чшобы не спшыкнушья на мебель, или не соспунишь съ ковра, кошорый я нарочно послала.....»

Тущь любовникъ заворчалъ сквозь зубы, какъ будшо въ досадѣ на нашу медлительность. Камериска замолкла; вдругъ опшворилась дверь, я почувспвовалъ шеплой воздухъ жилой комнашы, и мы прокрались на цыпочкахъ, какъ ночные воры.

Наконецъ нѣжная ручка каме-

риспки сняла съ меня повязку. Я очутился среди большой, высокой комнапы, пускло освѣщенной одною дымной лампою. Окошки были опворены, но за по украшены полспыми желѣзными рѣшешками, вѣроятно, забопливоспию ревниваго мужа; и я попалъ въ западню, изъ копорой шрудно было вырвашься.

На полу, на шюфякѣ, лежала прелешная женщина; голова ея была накрыша кисейнымъ покрываломъ; сквозь копорое просвѣчивали полные слезъ глаза, какъ звѣзды изъ за шучи. Крѣпко держала она во ршу баписповый плашокъ, и шакъ сильно его списнула зубами, что прокусила насквозь..... Она корчилась опъ боли, какъ спруна, брошенная въ огонь. Несчасшная

уперлась ногами въ комодъ и держалась за ножку стула обѣими руками, коихъ жилы спрашно напружились. Она походила на подсудимаго въ пышкахъ инквизиціи.

Впрочемъ все было тихо: ни малѣйшаго шума, ни шороха, кромѣ глухаго хрусѣнія ея суславовъ; и мы спояли передъ ней всѣ шрое безмолвные и неподвижные.

Мужъ храпѣлъ съ ушѣшипельной беззаботностію.

Мнѣ хошѣлось разсмотрѣшь камерисшку, но она надѣла маску, копорую вѣрно снимала дорогою, и я видѣлъ только пару черныхъ глазъ и роскошныя формы, охваченныя мундиромъ. Любовникъ былъ также замаскированъ. Вошедши, онъ пошчасъ набросилъ

салфетку на ноги спраждающей, и вдвое сложилъ покрывало на ея лицѣ.

Внимательно посмошрѣвъ на нее, я призналъ, по нѣкопорымъ припадкамъ, замѣченнымъ мною прежде при подобномъ несчастномъ случаѣ, что ребенокъ уже умеръ, и наклонился къ служанкѣ сказать ей это на ухо.

Топчасъ недовѣрчивый любовникъ выхватилъ кинжалъ: но я успѣлъ уже увѣдомишь горничную, и она шопшомъ быспро сказала ему два слова.

Услышавъ мое замѣчаніе, любовникъ вздрогнулъ; дрожь прѣбѣжала по немъ съ ногъ до головы, какъ молнія, и мнѣ казалось, что лице его поблѣднѣло

подъ черною, бархашною маскою.

Служанка, пользуясь минушой, когда онъ въ опчаяніи глядѣль на умирающую, почпи совсѣмъ посинѣвшую, показала мнѣ на спаканы съ лимонадомъ, споявшіе на ближнемъ сполѣ и сдѣлала оприцашельный знакъ.

Я поняль, что не должно было пить, не взирая на спрашную духопу, обдававшую меня жаромъ и пошомъ.

Въ шу же минушу любовникъ жадно схвапилъ одинъ спаканъ, и оппилъ до половины.

Тутъ дама сдѣлала судорожное усиліе, ручавшееся за благопріятный оборотъ... я взяль ланцешъ и пуспилъ ей изъ правой

руки кровь весьма удачно. Служанка приняла въ салфетки кровь, копорая сильно полилась; больная впала въ безчувствіе; весьма благопріятное для моей операціи... Я ободрился и успѣлъ въ печеніи часа вынуть ребенка по часпямъ.

Испанецъ не думалъ болѣе опрравлять меня; чувствуюя, что я спасъ жизнь его любовницѣ, онъ рыдалъ подѣ маскою—и крупныя слезы скашывались по черному плащу его.

Однако женщина не испустила ни малѣйшаго крика; полько грызла плапокъ, изгибаясь, какъ пойманный звѣрь, и пошь вышупалъ по ней крупными каплями.

Въ одну изъ самыхъ кришиче-

скихъ минушъ она сдѣлала движеніе, указывая на комнапу мужа: онъ пошевелился на поспелѣ; изо всѣхъ насъ шолько она одна услышала шорохъ одѣяла, шелестъ занавѣса и легкій скрипъ кровати.

Мы ошановились... служанка и любовникъ, сквозь ошвершія масокъ своихъ, обмѣнялись огненными взглядами...

Въ эту минушу спрашнаго бездѣйсвія я прошіянулъ руку къ спакану, опишому любовникомъ; но онъ вообразивъ, что я хочу взять одинъ изъ полныхъ спакановъ, прыгнулъ, какъ кошка, прошіянулъ длинный кинжалъ на оба оправленные спакана и подалъ свой, давая знакъ, чтобы я допилъ осшальное. Въ этомъ

знакъ , въ этомъ быспромъ движеніи сполько было мыслей и чувствъ , что я почти проспиль ему страшное намѣреніе убійства , для совершеннаго испребленія всякой памяти объ этомъ приключеніи .

Онъ пожалъ мнѣ руку , когда я переспалъ пишь ; попомъ съ судорожною дрожью самъ щцапельно свернулъ часпи своего младенца ; и когда послѣ двухъ часовъ работы и спраха , мы съ служанкою уложили госпожу , онъ снова сжалъ мнѣ руку и опуспиль мнѣ въ карманъ , шакъ что я не могъ этого замѣшишь , горспь брилліаншовъ , завернушую въ бумагъ . Но , сказашь мимоходомъ , шакъ , какъ я не зналъ объ его богатомъ подаркѣ , слуга мой по

упру обокралъ меня — и бѣжалъ.

Высказавъ на ухо служанкѣ всѣ предоспорожности, какія должно наблюдать съ больною, я объявилъ желаніе бытъ свободнымъ. Служанка оспалась при госпожѣ; это меня поспревожило, но я рѣшился бытъ гошовымъ на все. Любовникъ взялъ дупя, окровавленное бѣлье, и, крѣпко свернувъ все, спряхалъ подъ плащъ, закрылъ мнѣ глаза рукою — какъ бы говоря, чшобъ я зажмурился. — и пошелъ впередъ, приказавъ держаться за его полу — что я и сдѣлалъ, бросивъ послѣдній, нѣжный взглядъ на служанку. Видя, что Испанецъ вышелъ, она сняла маску, и я увидѣлъ прелестнѣйшее личико.

Я проходилъ за любовникомъ черезъ рядъ комнатъ и выбравшись въ садъ на свѣжій воздухъ, почувствовалъ шакое облегченіе, какъ будто у меня гора съ плечъ свалилась.

Я шелъ въ почтшпелъномъ разспояніи опъ моего проводника, шщашельно наблюдая за малѣйшимъ его движеніемъ.

Подошедши къ калишкѣ, онъ взялъ меня за руку и приложилъ къ губамъ моимъ печашь, бывшую у него въ перспнѣ на лѣвой рукѣ. Я понялъ всю силу эшого краснорѣчиваго знака. Мы вышли на улицу, гдѣ вмѣсто карешы ждали насъ двѣ верховыя лошади. Мы сѣли на лошадей, Испанецъ схвашилъ поводъ свой зубами, взялъ лѣвою рукою мой, а въ правой держалъ окровавленный

свершокъ — и мы пуспились какъ вихрь. Я не успѣлъ замѣпить малѣйшаго признака, по которому бы могъ узнатьъ дорогу. Къ разсвѣту я очутился у дверей своего дома, а Испанецъ поскакалъ къ Апошскимъ ворошамъ.»

— «И вы ничего не примѣпили, почему бы можно было узнатьъ даму?» спросилъ операшора кшо-шо изъ офицеровъ.

— «Одно только...» отвѣчалъ онъ. «Когда я пускалъ ей кровь, шо замѣпилъ почти на срединѣ руки маленькое родимое пашнышко, съ горошинку — обросшее черными волосами.... А домъ былъ великолѣпенъ, фасадъ его шакъ огромень, чшо его едва можно было окинушь глазами.

Тутъ нескромный докторъ оспановился и поблѣднѣлъ. Взоры всѣхъ слѣдовали за направлениемъ его глазъ, и Французы увидѣли Испанца, закупаннаго въ плащъ; глаза его сверкали въ шемнофѣ, посреди померанцовыхъ кустовъ, гдѣ онъ во все время споялъ и слушалъ.

Онъ исчезъ съ быспропою сильфа, когда одинъ молодой подпоручикъ бросился къ нему.

— «Я погибъ!» вскричалъ докторъ: «эшофъ змѣиный-взглядъ оледенилъ меня. Мнѣ кажешся, что я слышу погребальный звонъ, прощайше!.. вы меня здѣсь схороните.»

«Глупецъ!..» сказалъ Полковникъ Шаррень. «Лекамю погна-

ся за шпиономъ, и вѣрно проучишь его добрымъ порядкомъ.

— Ну что, Лекаю? — закричали офицеры запыхавшемуся подпоручику.

«Провалился сквозь землю! . . .» опвѣчалъ сей послѣдній. . . «онъ словно прошелъ сквозь снѣгу. . . но если онъ не колдунъ. . . такъ ужъ вѣрно ктонибудь изъ здѣшнихъ, пошому, что знаетъ всѣ закоулки и проходы и шолько пошому опъ меня ускользнулъ...»

— «Я погибъ!...» сказалъ докторъ мрачнымъ голосомъ.

— Полно, будь спокоенъ! — вскричали офицеры — мы поочереды спанемъ караулишь себя до самаго опвѣзда. . . и нынче всѣ проводимъ.

Въ самомъ дѣлѣ шрое молодыхъ, проигравшихся офицеровъ, кошорымъ дѣлашь было нечего, проводили докшора до дому и осшались у него ночевашь.

На завшра онъ получалъ оппускъ во Францію и гошовился ѣхашь съ одною дамою, кошорой Мюрашъ далъ значительное прикрытие. На прощальномъ обѣдѣ съ пріятелями, слуга сказалъ, что его хочешъ видѣшь одна молодая женщина. Докшоръ съ шремя офицерами вышелъ, но незнакомка успѣла только вскричанъ: берегись! и упала мершвая.

Эшо была камерисшка, кошорая чувешвуя себя оправленною, спѣшила спасти докшора.

Ошрава совершено еѣ обезобразила.

— Чоршъ побери! — вскричалъ Лекамяю: — вошь чшо называешся любишь! Одна шолько Испанка можетъ бѣжашъ къ любовнику шогда, какъ адская оправа грызешъ ей внушренность! . . .

Докторъ чрезвычайно приунылъ. Пошомъ, чшобы заглушишь мучительную шревогу, сѣлъ за шполъ съ шоварищами и неумѣренно началъ шянуть круговую. Наконецъ всѣ полупьяные легли на покой довольно рано.

Ночью докторъ проснулся ошъ рѣзкаго визга колець постельнаго занавѣса, опдернушаго сильною рукою. Онъ привспалъ на постелѣ, дрожа всѣмъ шѣломъ, ошъ механическаго сопрясенія нервовъ, при нечаянномъ пробужденіи, и увидалъ передъ собою Испанца, за-

кушаннаго въ плащъ. Онъ бросалъ на него пѣ же самыя огненные взгляды, копорые блеснули ему изъ за кусповъ и оцѣпенили его на праздникъ.

— «Спасише.... поварищи!..» вскричалъ докшоръ...

На сей вопль опчаянiя Испанецъ опивчалъ горькою улыбкою.

«Опiумъ распепъ для всѣхъ, и его доспанѣпъ на всѣхъ!» примолвилъ онъ.

Попомъ, произнесши сей родъ приговора, указалъ на проихъ, глубоко заснувшихъ поварищей, быспро выдернулъ изъ-подъ плаща женскую руку, шолько что опрѣзанную и, подспавивъ ее докшору, указалъ на признакъ, шакъ неоспорожно имъ описанный.

«Она ли?» спросилъ онъ.

При свѣспѣ фонаря, посшавленнаго на кровати, докшоръ, охолодѣвшій опъ сшраха, ушвердительно кивнулъ головою, и мужъ незнакомки безъ дальнѣйшихъ распросовъ хладнокровно погрузилъ ему кинжалъ въ сердце.

«Повѣспъ ваша слишкомъ жестшюка» — сказалъ кто-шо изъ слушавшихъ — и — вмѣспѣ невѣрояшна; ибо скажите пожалуйше, кто жъ вамъ ее пересказывалъ: убишый, или Испанецъ?....»

—Милосшивый государь—опшвѣчалъ разскащикъ, оскорбленный замѣчаніемъ—шакъ какъ, по сшаспію, ударъ кинжала, поразившій Докшора, проскользнулъ немного вправо, вмѣспю шого чшобъ идши влѣво, шо позволъше мнѣ лучше васъ знашь собшвенное мое приклю-

ченіе... Божусь вамъ, чшо и ше-
перь иногда ночью чудяшся мнѣ
эпи сверкающіе глаза...

Спарый докшоръ вдругъ за-
молкъ, поблѣднѣлъ и оспановил-
ся, разинувъ ротъ, какъ пора-
женный апоплексическимъ уда-
ромъ.

Мы оборопились къ залѣ. Въ
дверяхъ стоялъ высокій Испа-
нецъ, *afrancesado* въ изгнаніи,
недѣли съ двѣ тому назадъ при-
бывшій съ семействомъ своимъ
въ Туръ. Онъ въ первый разъ
явился въ обществѣ; и, пріѣхавъ
поздно, проходилъ залу съ же-
ной, у которой правая рука бы-
ла подвязана и не шевелилась.

Мы молча разсупились, чшо-
бы дасть дорогу эшой челѣ, на

копорую. всѣ смощрѣли съ глубокимъ учаспемъ.

Эпо была почная карпина Мурилло! Мужъ съ пламенными, глубоко ввалившимися глазами... съ лицомъ изсохшимъ, головой лысой, ужасно пощій. А жена!... представьте себѣ... но нѣтъ... эпого не лзя представиць!... Спанъ чудесный; блѣдная, но все еще прекрасная; цвѣтъ лица, чшо рѣдко бываетъ между Испанками, бѣлизны ослѣпительной; взгляды жгли, какъ брызги расплавленнаго мешалла; прелестное чело, украшенное жемчугомъ, походило на надгробный мраморъ — мершвецъ шанлся въ сердць!... Эпо была горещь Испанская во всей своей роскоши!

Не нужно сказывать, чшо докторъ нашъ мгновенно исчезъ.

Къ концу бала, я спросилъ Графиню : позволите узнать, сударыня, какимъ образомъ лишились вы руки ?

« Въ войнѣ за независимость ! »
— опвѣчала она.

ЭСОИРЪ

ВЪ

СЕН-СИРЪ.

РАЗСКАЗЪ

Г^{жи} Амабль Пастю.

1689.

Je crois qu'il est bon d'avertir ici que bien qu'il y ait dans Esther des personnages d'hommes, ces personnages n'ont pas laissé d'être représentés par des filles avec toute la bienséance de leur sexe. La chose leur a été d'autant plus aisée, qu'anciennement les habits des Persans et des Juifs étaient de longues robes, qui tombaient jusqu'à terre.

RACINE.

Я думаю, не мѣшаетъ здѣсь упомянуть, что всѣ мужескія лица въ Эсѣири были шакъ же выполнены дѣвушками и припомъ безъ нарушенія приличій ихъ пола. Это было для нихъ шѣмъ легче, что древніе наряды Персовъ и Евреевъ состояли изъ длинныхъ шюниковъ, низнадавшихъ до земли.

Расинъ, въ предисловіи къ Эсѣири.

« Не по ! со всѣмъ не по , сударыня ! Сначала ! Пожалуйспа

сначала! Слушайше, какъ я буду говоришь и повпоряйше за мной:

« Ciel ! qui nous défendra, si tu ne nous défends ? »

Такъ говорилъ человекъ лѣтъ пятидесяти, благородной и пріятной наружности, въ большомъ парикѣ, въ каричневомъ, бархатномъ кафтанѣ, и безпрестанно упиралъ себѣ лобъ носовымъ плашкомъ, пошому чпо пошь крупными каплями вышупалъ у него на лицѣ. Около него спояло до шрехъ сошь молоденькихъ дѣвушекъ въ черныхъ плашьяхъ, бѣлыхъ чепцахъ съ разноцвѣтными подвязушками.

Дѣйшвіе происходило въ огромной залѣ, въ кошорой, съ помощію длинныхъ споловъ, соспа-

вленныхъ вмѣстѣ , и множесства рядовъ скамѣекъ , было устроено родъ Театра.

Дама пожилыхъ лѣтъ , въ плащѣ темно-пепельнаго цвѣта , въ черномъ чепцѣ , съ важнымъ видомъ сидѣла на почешномъ мѣстѣ . Наспояшельница по лѣвую ея руку , а надзирашельницы съ почшеніемъ спояли позади ихъ кресель.

И эша дама пожилыхъ лѣтъ — была — Г-жа Меншенон' ; молодыя дѣвушки — воспитанницы Сен-Сирскаго инспишупа ; а человекъ въ каричневомъ кафтанѣ — поэтъ Расинъ , кошорый въ должносши суфлера-режиссера съ величайшимъ шрудомъ и заботливоспю подсказывалъ имъ свою Эфирь , кошорую онѣ собирались разыграшь передъ Королемъ.

Въ эту минушу десяти-лѣпняя дѣвица Блансакъ , одна изъ фаворитокъ Г-жи Меншенонъ и по ея желанію участвовавшая въ пѣсѣ, въ пятнадцатый, не то двадцатый разъ повторяла единственнѣйшій стихъ , изъ котораго состояла вся ея роль. И послѣдній сей опытъ былъ еще неудачнѣе всѣхъ первыхъ : коршавѣйшій выговоръ малюшки такъ уморительно передразнивалъ декламацію учителя ; жалкій видъ, который она съ такимъ усиленіемъ хохотала придавъ своей физиогноміи , до такой степени противорѣчилъ ея веселому личику съ вздернутымъ къверху носикомъ и пухлыми щечками , что никто изъ зрителей не могъ удержаться отъ смѣха. Громкій хохотъ раздался по залу , и несчастный поэтъ

въ опчаяніи бросилъ книжку и закричалъ : « Нѣтъ ! Ради Бога ! опкажись опъ эпой роли ! вы и при Король , пожалуй , также скажише..... и прагедія моя погибла ! »

Бѣдная дѣвочка, копорой и безъ шого было не весело, замилаь слезами. Спарикъ Расинъ вскочилъ съ своего мѣсша , подбѣжалъ къ ней, уперъ ей глаза, и не зная , чѣмъ ее ушѣшишь , заплакалъ съ нею вмѣстѣ.

Эта сцена разгладила морщины на спрогомъ челѣ Г-жи Меншенон'. « По чесни , Расинъ , » сказала она улыбаясь , « и на васъ не мѣшало бы надѣтъ черное плашье и чепчикъ съ подвязушкою : вы сами еще ребенокъ. Много, много если вамъ дашь желшую

леншу; попому чпо съ желшой
леншою у насъ ужъ проходяшь
Мешафизику.»

Поэшь принялъ шушку полу-
Королевы съ пріятною увершли-
восшію придворнаго; дѣвицѣ Блан-
сакъ были обѣщаны каршинки и
конфекшы, и репешиція пошла
своимъ порядкомъ, безъ дальнѣй-
шихъ помѣшательствъ, и къ ве-
ликому удовольствію Г-жи Менше-
нон', виновницы всѣхъ эшихъ за-
шѣй.

Но Франциска д'Обиньи, вдова
Скаррона, была женщина необык-
новенная. Она сдѣлалась женою
Людовика XIV-го, не измѣнивъ ни
одного изъ приняшыхъ ею правилъ,
и не поссорившись ни съ совѣсшью,
ни съ своимъ дирекпоромъ. Мно-
го-ли найдется людей на свѣшѣ,
кошорые доспигаюшъ своей цѣли

шакъ , какъ она , не свернувши ни на волосъ съ шропинки , копорую они почишающъ прямою дорогою ? На каждый шагъ свой , могла она предспавишь причину уважипельную въ собспвенныхъ ея глазахъ . Она удалила ошъ двора первую свою благодъшельницу : но эшо удаленіе положило конецъ великому позору . Она приобръла сильную власпъ надъ Королемъ : но власпъ эшу упопребила полько для шого , чшобъ сблизишь его съ Королевою . Она наконецъ успъла сдълатьсь законною женой Людовика Великаго , и эшо возвышеніе было обращено ею въ пользу религи и нравспвенности шого вѣка : оно укрошило неправильную жизнь Монарха . Она полагага , чшо почести ей воздаваемыя , принадлежашъ ей закон-

но, за всѣ добрыя дѣла, ею сдѣланныя. И сею мыслию была она вполнѣ проникнута, когда говорила, что «ничто не можешь бышь выше безукоризненнаго (irréprochable) поведенія!» И въ самомъ дѣлѣ, власшь ея надъ Королемъ основывалась полько на ошношеніяхъ, копорья она умѣла укрѣпипшь между нимъ и собою, и копорыхъ онъ не имѣлъ еще ни съ одной женщиной.

Въ молодости Людовика, пылкая любовь Герцогини Лавальеръ дѣйствоввала на его сердце; позднѣе—блеспящій, оригинальнй умъ Г-жи Моншеспань—влдычеспвовавль надъ его воображеніемъ; попомъ глупая красопа дѣвицы Фоншанжъ покорила его чувспва и — все это было на мигъ; но

Г-жа Меншенон овладѣла его совѣспью и — управляла имъ до конца жизни. Возвращись Людовикъ къ прежнимъ своимъ заблужденіямъ — и Франція была бы раззорена въ конецъ. Боясь, чшобы попребность или, лучше сказапъ, привычка къ удовольспвіямъ, не похипила у ней эшаго челоуѣка, ненасыпимаго въ наслажденіяхъ, она спаралась опшвлекапъ его опш опасныхъ удовольспвій и обращала все его вниманіе на забавы невинныя.

Новое зрѣлице, кошорое теперь гошовилось, было слѣдспвіемъ эпои забопливоспи; и въ самомъ дѣлѣ успѣхъ его превзошелъ всякое ожиданіе.

Съ рѣдкою ловкоспю умѣла она задобрисъ въ свою пользу до-

вольно значительное число набожныхъ особъ: Опець Гальяръ съ осьюю другими Іезуишами присутствовалъ лично на одномъ изъ представлений. Примѣръ его одобрилъ многихъ, коихъ робкая совѣсть не согласовалась съ немолчными прѣбояваніями любопытства, и просьбы о дозволеніи бытъ въ Сен-Сирскомъ спектаклѣ съ каждымъ днемъ становились обильнѣе, шѣмъ болѣе, что онѣ льстили самолюбію Короля и приносили ему удовольствіе.

Людовикъ, для котораго спектакли сіи дѣлались все болѣе и болѣе занимательными, захотѣлъ пошѣщитъ ими Короля Іакова II-го и его супругу, которые въ то время искали убѣжища въ Сен-Жерменѣ. Онъ дозво-

лилъ даже входъ многимъ изъ ихъ придворныхъ.

Между Англичанами , послѣдовавшими за Ихъ Величествами во Францію , самый замѣчательный былъ молодой Лордъ Моршмеръ , наслѣдникъ древней и знаменитой Бришанской фамиліи , и послѣдняя отрасль оной.

Воспитанный при блестящемъ и вмѣстѣ порочномъ дворѣ покойнаго Короля Карла II-го, Моршмеръ на 24-мъ году своей жизни ужь опжилъ всю свою молодость. Обольщенный опасными примѣрами Рошеспера , Букингама , и Сеншъ-Албана, онъ получилъ опъращеніе ко всѣмъ пылкимъ ощущеніямъ жизни прежде , чѣмъ успѣлъ ими насладиться. Всѣ способности души его умерли, шакъ

сказать, еще въ зародышѣ и высокая, пылкая душа его не проявлялась ни въ одномъ благородномъ чувствѣ. Къ этому усыпленію жизни присоединились шеперьшоска по опчизнѣ и сожалѣніе о пошерянномъ богашствѣ и званіи.

Въ обширной галлерей Версальскаго дворца дожидался онъ выхода своего Короля, кошорый вмѣстѣ съ Королевою, передъ опѣздомъ въ Сен-Сирь, пріѣхалъ опдашь визипъ Людовику XIV-му. Облокопившись на высокое, рѣшешчащее окно, Моршимеръ разсѣянно игралъ шелковою киспью оконной гардины, какъ вдругъ подбѣжалъ къ нему молодой придворной, засыпалъ его блестящими мадригалами и началъ ду-

шишь въ своихъ обѣщаніяхъ , изъ кошорыхъ молодой Англичанинъ щещенно спарался освободиться.

— «Какая счастливая встрѣча! кричалъ раздушенный Франсъ.—» Васъ-ли я вижу, любезный Лордъ? Вы въ Версали тогда , какъ мы всѣ приходили въ опчаяніе , полагая , что вы совсѣмъ опказались опъ свѣща! Какой случай привелъ васъ сюда?»

— «Я ѣду въ Сен-Сирь съ Королемъ моимъ , опвѣчалъ Англичанинъ зѣвая. «Его Величеству угодно было назначить меня въ свису , и я никакъ не могъ опговориться опъ эшой чеспи , и иперь , вы видите , я по обязанности долженъ скучать въ дѣшской комеди.»

— «Право! Такъ вы назначены въ свипу! Очень радъ! И я буду въ спекшаклѣ. Но вы напрасно судите шакъ легко объ эшой чесши: вамъ многіе позавидуюшъ! Чшо касаешся до меня, шакъ я ошъ ней въ воспоргѣ и гошовъ напередъ кричашъ, чшо предспавленіе чудесно, очаровашельно, божешшвенно!»

Маркизь Сешп-Эремъ пошелъ съ Англичаниномъ по галлерей, приглаживая свой парикъ и на свиспывая сквозъ зѣбы новомодную арію. Онъ вслухъ дѣлалъ Моршимеру замѣчанія на счешъ дамъ, копорыя проходили мимо ихъ, на объ стпороны разбрасывалъ свои благосклонные взгляды, улыбки, кивки головою и поклоны и чрезвычайно дивился, чшо

его распочишельная вѣжливоспъ привлекала къ нему гораздо меньше вниманія, чѣмъ разсѣянный, небрежный видъ и важная, холодная полу-улыбка его спущника.

И въ самомъ дѣлѣ, Англичанинъ съ презришельной насмѣшкой глядѣлъ на пусспозвучное, ни къ чему не ведущее важничанье Французскаго фаша. Онъ очень хорошо помнилъ какъ велъ себя при дворѣ Рошесперь, какъ умѣлъ онъ прикрышь свои намѣренія какой-то милой безопасностію, съ какимъ примѣрнымъ шерпѣніемъ выслушивалъ онъ болповню прелеспной, но глупой и надушой Миссъ Темплъ и, не говоря ей ни слова, объ ея красоспѣ, подносилъ сспихи и показывалъ видъ, чшо восхищенъ ея умомъ, будучи увѣренъ, чшо

эпимъ , еще непронухимъ ласкашельствомъ , непременно вскружишь ей голову ; и наконецъ гордое хладнокровіе , кошорое онъ умѣлъ сохранить и въ счастіи , и въ случаѣ неудачи. Такимъ подвигамъ подлинно можно было подивиться , если полько позволялось еще дивиться чему нибудь.

Маркизь предложилъ Моршимеру ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ его карешъ : Англичанинъ согласился. Но когда они прибыли въ Сень-Сиръ , Моршимеръ присоединился къ свисѣ своего Короля.

У дверей залы , въ кошорой былъ устроенъ Театръ , шѣснилась толпа придворныхъ. Моршимеръ , слѣдуя за волною посѣпителей , наконецъ достигъ до входа и опшашнулся опъ удивленія:

у дверей споялъ самъ Король Людовикъ XIV-й, Великій Людовикъ XIV-й, и загородивъ входъ своею просшію лично повѣрялъ поодиначкѣ всѣхъ избранныхъ, допущенныхъ имъ въ эпошъ рай. И все эшо были люди самые значительные, самые важные придворные, самыя блистательныя дамы.

Зала кипѣла зрителями.

Молодой Англичанинъ пробрался въ первый рядъ и прижавшись въ уголокъ къ сѣнѣ, споя, гошовилъ скучашь до смерти.

Но вошъ спектакль начался. Богиня благочестія спустилась на облакъ, во образъ Г-жи де Камю прелестной собою. Голосъ и лицо располагали къ ней каждого

зришеля. Глухой шопопшь одобренія прерывалъ иногда звучные спихи ея монолога , кошорому не смѣли хлопашь въ присущспвѣи Ихъ Величеспвѣ. Г-жа Севиньи , сидя во второмъ ряду , наклонилась къ Маршалу Белефону и шепшала ему на ухо свои оспрыя и умныя замѣчанія , кошорыхъ вѣрно не придумала бы ни одна чесанная по модѣ дамская головка. Чѣмъ дальше шла пѣса , тѣмъ громче спановилса воспоргъ зришелей. И подлинно , никогда еще невидали аксприсъ , кошорыя бы шакъ хорошо посшигали свои роли , и не было ролей , кошорыя бы можно было передашь съ шакой испиной , и шакъ близко къ намѣренію Авшора.

Эсэиръ играла дѣвица Вейланъ ,

красавица самая граціозная изъ всѣхъ Сен-Сирскихъ воспитанницъ. Дѣвица д'Абанкуръ представляла Амана, а дѣвица Глапіонъ, исполненная таланта и припомъ опвращишельно дурная собою, придала роли Мардохея какую-шо особенную важность.

Споишь только обратишься къ тому времени, предспавишь себѣ эшу прагедію, не похожую на всѣ прочія погдашнія прагедіи, съ ея проспою, величеспивенною Поэзіей, заимспвованной изъ Священнаго Писанія, переданной языкомъ Расина и въ первой разѣ явившейся въ дѣйспвіи, со всею роскошью костюмовъ и декорацій, еще никогда невиданныхъ на обыкновенномъ Театрѣ; съ хорами соспавденными не изъ фигуран-

шокъ разрумяненныхъ и безполковыхъ, но изъ множества молодыхъ, невинныхъ дѣвушекъ, дочерей всѣхъ извѣстныхъ фамилій во Франціи, копорыхъ можно было видѣшь полько по этому особенному случаю и легко себѣ вообразишь, какое дѣйствіе должна была произвешъ на толпу знаши, зачерсвѣлой среди придворнаго однообразія, вся эша чудесная смѣсь стиховъ, пѣнія, музыки, прекрасныхъ лицъ и свѣжихъ, дѣвственныхъ голосовъ.

Лордъ Моршимеръ почувсвовалъ, что общее впечатлѣніе начинаешъ дѣйсвовашъ и на его душу, и не могъ себѣ объяснишь, ошъ чего эша «дѣшская Комедія» имѣешъ для чувсва его шакую усладительную прелешъ.

Какое-то непоспнжнмо-прнпшное, благоговѣйное, свѣтлое ощущение рождалось въ груди его: сперва онъ спыднлся, попомъ совершенно опдался своему увлеченю.

Но вопшь, на призывъ Королевы, всѣ молодыя подругн ея роскошною волною спремншся на сцену. Моршнмеръ глядншь—н съ успшь его гошovy сорваншь при спнха, въ кошорыхъ осуцесшвлнсь всѣ его мысли:

Ciel! quel nombreux essaim d'innocentes
beautés

S'offre à mes yeux en foule et sort de tous
cotés!

Quelle aimable pudeur sur leur visage est
peinte!

Боже! какое безчисленное собраніе не-
винныхъ красотъ

Спремипся со всѣхъ споронъ и пред-
спавляепся глазамъ моимъ!

Какая ангельская спыдливостъ изобра-
жаепся на ихъ лицахъ!

Вдругъ, изъ середины шолпы, одна молодая дѣвушка выходипъ впередъ и медленно приближаепся къ аван-сценѣ. Какая благородная поступъ! Лице ея нѣжно и мечшашельно; бѣлокурые волосы вьюшся шелковиспыми кольцами около чела ея и осѣняюшъ пару глазъ, огня и нѣги полныхъ; легкій спанъ и яркій румянецъ, который прозрачной пеленою разлился на щекахъ ея — придаюшъ ей чшо-шо воздушное, чшо-шо надоблачное.

Она поешъ — и каждый звукъ ея голоса, полного мечпы и упоенія повпоряется всѣми опголосками сводовъ ; она поешъ шерзанія опчизны, плачущей объ сынахъ своихъ ; она поешъ грусь опчужденнаго , шоскующаго по родинѣ. Молодыя подруги ея хоромъ повпоряюшъ каждое выраженіе ея шрогашельной пѣсни.

Моршимеръ содрогаешся опъ эшихъ мелодическихъ звуковъ ; онъ вспомнилъ объ родинѣ , объ замкѣ опцовъ своихъ.... и, можешъ бышь, ему не видашь ихъ больше! Глубокое, горькое забвеніе овладѣло его душею : онъ забылъ все, чшо его окружаешъ, кромѣ одной шолько молодой пѣвицы. Онъ не видишь больше піэсы : его глаза прикованы къ ея волшебному ли-

цу, онъ слышитъ только ея го-
лось....

Наконецъ она запѣла пѣснь сво-
боды — пѣснь, полную умиленія
и надежды....

Rompes vos fers ,

Tribus captives ;

Troupes fugitives .

Reprenez les monts et les mers.

Въ плѣну поколѣнья !

Распоргнише цѣпи !.....

Бѣжавшіе вои !

Чрезъ горы и воды назадъ поспѣшите !

А при словахъ :

Je reverrai ces campagnes si chères ,

J'irai pleurer au tombeau de mes pères.

Вновь увижу поляны родныя !

Вновь поплачу надъ гробомъ опцевъ.

молодой Лордъ не могъ болѣе крѣпиться: шоска по опчизнѣ не реполнила его душу, обѣими руками закрылъ онъ лице свое и залился слезами.

Англинская Королева, копорая нѣсколько разъ на него взглядывала, невольнымъ движеніемъ обнаружила свое состраданіе и сочувствіе. Г-жа Меншенон' шихо спросила у ней, какъ зовушь молодого человѣка. И самъ Французскій Король, взглянувъ на Моршимера, кивнулъ Королю Якову величаво головою и взоры всѣхъ зрителей обратились на иностранца, копорый вдругъ сдѣлался предметомъ всеобщаго участвія въ залѣ. И даже со сцены множество любопытныхъ головокъ пропшнулось въ разныхъ на-

правленіяхъ, чшобы увидать и разсмопрѣшь его; а на другой день во всѣхъ шушуканьяхъ и шептаньяхъ Сен-Сирскихъ воспитанницъ шолько и было рѣчи объ прекрасномъ Англичанинѣ, копорый плакаль слушая дѣвицу де Бомон'.

Но это всеобщее вниманіе зашавило Моршимера скоро раскаяшся въ произвольной чувспвишельности, копорую онъ не въ силахъ былъ скрышь и когда при разъѣздѣ придворная молодежь его окружила и наперерывъ спаралась похвалишь за нѣжныя чувспва, досшавившія ему благосклонное возрѣніе Короля, онъ гошовъ былъ выдши изъ себя и едва могъ скрышь свое нсгодованіе.

— Ну да, опвѣчалъ онъ равнодушно Сенп-Эрему, кошорый шакже спѣшилъ его поздравить — шупкѣ была довольно удачна, жаль только, что она произвела больше эффекшу, чѣмъ я хошѣлъ.—

« Больше чѣмъ вы хошѣли! » — воскликнулъ Сенп-Эремъ съ удивленіемъ.

— Мнѣ хошѣлось только обратиться на себя вниманіе молодой пѣвицы.

Выдумка чрезвычайно понравилась Сенп-Эрему и заслужила Моршимеру въ глазахъ его гораздо больше уваженія чѣмъ папріотическое его увлеченіе. Маркизь непременно хошѣлъ увезти его съ собою въ Парижъ ужинавши у

какого-то знаменишаго респорашёра, но Морпимеръ пвердиль, что ему надо возвращишия въ Сен-Жермен' и насилу ошъ него ошдѣлался.

Не знаю, чему приписать погдашнiя чувства Морпимера: новизнѣ-ли впечатлѣнiя или расправленной грусти изгнанника? Онъ хошѣлъ себя увѣриши, что со всѣмъ не заняшъ дѣвицею де Бомон', а въ самомъ дѣлѣ занимался ею гораздо болѣе, чѣмъ думалъ.

« И почему не желашъ мнѣ поглядѣши на нее еще разъ, когда лице и голосъ ея сдѣлали на меня шакое прiяшное впечатлѣнiе? » Такъ разсуждалъ Морпимеръ самъ съ собою — и ошправился въ Версаль, просиши

у Короля позволеніе, во второй разъ посмошрѣшь Эсѳирь.

Онъ встрѣшилъ тамъ Сенш-Эрема, который щещино испощаль всѣ свои старанія, чшобы также удостоишься эшой чести.

— «Представыте, какъ я несчастливъ!»—сказаль онъ Англичанину — «мнѣ не удался бышь въ Сен-Сирскомъ спектаклѣ, а онъ мнѣ такъ понравился, чшо я получилъ опвращеніе опъ всѣхъ здѣшнихъ представлений. Вчера я завернулъ на минушу въ Театръ... чшожъ? Повѣрите-ли: средства нѣшъ глядѣшь на нашихъ актрисъ; онѣ вблизи опвращишельны! И сама примадонна надоѣла мнѣ до смерти: чшо за жесты! чшо за гримасы! и въ добавокъ румяна въ два пальца!— Теперь въ Сен-Сирь шолько и мож-

но наслаждашься. Къ тому-же я замѣшилъ тамъ одну быспроглазенькую брюнешку.... прелесшь! такъ чшо, право, не жаль взглянушь на нее въ другой разъ.»

Моршимеръ смѣялся его опчаянію: однако внутренно началъ бояшсья, чшо и самъ можешъ вспрѣшишь шу-же неудачу; но благодаря всеобщему вниманію, кошорое онъ возбудилъ въ первое представленіе, просьба его была принята Королемъ очень милосшиво.

Онъ опсправился въ Сен-Сиръ.

На эшопъ разъ онъ подошелъ какъ можно ближе къ сценѣ и пришаился въ широкихъ складкахъ алой, шелковой гардины, сосшавлявшей драпри поршала и

опдѣлявшей сцену опъ зрительей. Всѣ полагали , что эшимъ средшвомъ хочешъ онъ скрышь свое умиленіе опъ всѣхъ взоровъ. А онъ пригошовился слѣдишь каждое движеніе дѣвицы де Бомон' и не проронишь ни одного ея взора.

Наконецъ молодая Коривейка явилась.

Моршимеру показалось, что она его примѣшила.

На эшопъ разъ въ пѣніи ея было меньше увѣренности , а въ игрѣ какая-шо разсѣянность.

Въ одномъ изъ Театральныхъ движеній, она подошла шакъ близко къ Моршимеру , что онъ могъ бы допронуться до ея плашья. Молодой человекъ воспользовался

ашой минушой и—почти непри-
мѣшнымъ образомъ—проворно по-
ложилъ къ ногамъ ея записку, со-
провождая ее нѣжнымъ, умоляю-
щимъ взоромъ.

Бѣдная дѣвушка, боясь, чшобъ
эшаго не замѣшили въ паршерѣ,
безразсудно уронила плапокъ и
пошомъ подняла его вмѣспѣ съ
письмомъ, почишая себя чрезвы-
чайно искусной и догадливой.

Но въ то время, какъ Морши-
меръ, внутрененно восхищался ус-
пѣхомъ своей ловкости, ничто
не ушло ошъ бдишельнаго взора
Г-жи Меншенон'.

Она оспалась ночевашъ въ Сен-
Сирѣ, чшо бывало съ нею до-
вольно часшо; и на другой день
дѣвица де Бомон' была позвана

къ ней въ комнапу , чшо так-же никого не удивило , пошому чшо она часшо призывала къ себѣ кого нибудь изъ воспитанницъ , чшобъ съ ними бесѣдовашь , и эшо почипалось великою чеспію въ Сен-Сирѣ.

Но дѣвица де Бомон' , исполняя приказаніе начальницы , въ душѣ чувспвовала какой-шо шайный спрахъ.

Г-жа Меншенон' , подѣ пущымъ предлогомъ , выслала изъ комнапы свою компаніонку , дѣвицу д Омаль , и успремивъ свои большіе , черные , проицашельные глаза на молодую воспитанницу :

« Подойдише! » — сказала она ей —
« Мнѣ надо поговорить съ вами. »

Бѣдная дѣвушка низко присѣла

и молча подошла на нѣсколько шаговъ.

« Вы вчера получили записочку отъ Лорда Моршимера ? » спросила Г-жа Меншенон'.

— Эшо правда , — опвѣчала дѣвица де Бомон' поблѣднѣвъ, но не думая на минушы.

« Зачѣмъ вы ее взяли ? »

— Я боялась , что всѣ ее увидяшъ.

« Записка съ вами ? »

— Со мной.

« Покажише. »

— Вошъ она. И она вынула изъ кармана двѣ свернушыя бумаги , изъ копорыхъ одну опяшь проворно спряшала.

« А это , что у васъ за бумага ? »

— Это мой опвѣщъ.

« Какъ ! вы ему опвѣчали на его записку ? »

— А развѣ не должно было опвѣчать ? —

« Разумѣется. Посмотримъ: что за опвѣщъ. »

И опвѣщъ былъ ей опданъ. Г-жа Меншенон' прочла сперва записку Морпимера : она была корошка и убѣдительна. Онъ писалъ по , что чувствовалъ. Но боясь испугать воображеніе молодой дѣвушки слишкомъ пламеннымъ выраженіемъ своей спраши , онъ удовольствовался простымъ описаніемъ своихъ чув-

спвованій. Онъ говорилъ ей, что она оживила въ немъ, бѣдномъ изгнанникѣ, горькую поску по опчизнѣ, и что онъ знаетъ только одно лекарство для излеченія ранъ своего сердца: удовольствіе видѣшь и слышашь ее; что онъ боится, скоро потеряшь это послѣднее наслажденіе, и потому умоляешь ее, если только найдется хотя малѣйшая возможность свиданія съ нею, опкрышь ему средства къ оному и не лишаешь своего учаспія.

Г-жа Менпенонъ съ спирогимъ лицомъ пробѣжала записку; потомъ развернула опвѣшь дѣвицы де Вомонъ. Вопшь онъ опшь слова до слова:

« Милостивый Государь !

« Я видѣла, какъ во время
« моего пѣнїя, вы заплакали,
« вспоминая объ вашей родинѣ,
« и тотчасъ догадалась, что у
« васъ должна быть прекрасная
« душа. Всѣ великіе люди, кото-
« рыхъ исторію я читала, люби-
« ли свое отечество. Если вамъ
« не суждено увидеть своей от-
« чизны, то я желаю, чтобъ вы
« здѣсь нашли утѣшеніе. Вы увѣ-
« ряете, что отъ меня зависитъ
« усладить вашу горестъ : но я
« не могу вамъ назначить свиданія,
« еслибъ даже захотѣ-
« ла. Сен-Сирскія воспитанницы
« выходятъ изъ института
« только за тѣмъ, чтобъ выд-
« ти замужъ. Если ваши намѣ-
« ренія согласны съ этимъ пра-

«виломбъ , то вы можете объ-
ясниться съ моимб опекуномб
«Г. д'Арбуа , или съ Г-жею
«Меншенон' , нашей общей ма-
«терью , и если они найдутб
«союзб нашб приличнымб , то
«будьте увбрены , что съ моей
«стороны препятствій не встрб-
«тите.»

«*Анна—Марія де Бомон'.*»

Эшо найвное посланіе проясни-
ло лице Г-жи Меншенон' ; она
видѣла , что оно приносишь честь
Сен-Сирскому воспитанію.

« Но развб вы не знали , душа
моя ! » — сказала она молодой дѣ-
вушкѣ , принявъ опяшь спрогій
видъ , — « что не должно опвѣ-
чать на любовныя записки ? »

— Знала ; и опвѣчала на эшу

записку пошому шолько, чшо она не любовная.

— « Правда ; объ любви здѣсь не говорися ни слова... »

И Г-жа Менпенон' снова пробѣжала письмо Моршимера глазами , и пошомъ ошпановивъ ихъ на эшомъ невинномъ , пяпнаццаши-лѣпнемъ создани , кошорое ; споя предъ ней и глядя ей въ лице , желало угадашь свой приговоръ ; она продолжала :

« Но все равно, дияя мое ! Надо, какъ можно избѣгашь подобныхъ переписокъ. А чшобъ эша записка не имѣла для васъ дурныхъ слѣдствій , я сама берусь доставишь опивѣшь. Теперь спупайше и не говорише никому, объ эшомъ ни слова . »

Дѣвица де Бомон' опяшь низко присѣла и вышла.

Черезъ нѣсколько дней объявили Г-жѣ Меншенон', что прѣхалъ Лордъ Моршимеръ съ порученіемъ опъ Англійской Королевы. Она приказала его просить. Выслушавъ порученіе Королевы, само по себѣ ничего незначущее, она разговорила съ посланникомъ. Его умныя, основательныя рѣчи, его благородная осанка и вѣжливоспъ ей весьма понравились: она спала его распрашивашъ о званіи, чинѣ, о надеждахъ его въ будущемъ.

« Дѣло Короля Іакова, » сказала она ему наконецъ, — « должно воспоржеспвовашь; но, не смотря на всѣ желанія и усилія мно-

гихъ честныхъ людей, оно можешъ еще долго, очень долго продлишься. Въ ожиданіи счастливаго окончанія вы пошеряете всю вашу молодость въ одиночествѣ и бездѣйствіи. Для чего не спараетесь вы сославивъ себѣ здѣсь хорошую партію, и основашься во Франціи?»

— Хорошій союзъ можно сославивъ только въ такомъ случаѣ, когда самъ женихъ предсоставляетъ въ себѣ завидную партію. Чшобъ искашь союза, надо, чшобъ соспояніе мое было значительнѣй, а душа не шакъ горда.—

«И вы никогда не дѣлали покушеній въ эшомъ родѣ?»

— Никогда.

— «Вы очень скрышны!» —

возразила спаруха; — «наши Сян-Сирскія пишомицы, хопя и сиропки, но зная, что онѣ не безъ пропекціи, гораздо опкровеннѣе васъ. Вопѣ вамъ, сударь, опшвѣпѣ опѣ дѣвицы де Бомон' на письмо, которое вы ей опдали во время предспавленія Эсэири.»

Моршимеръ совершенно опшерялся. Онѣ взялъ изъ рукъ Г-жи Меншенон' опкрытое письмо, и прочель его не говоря ни слова.

«Такъ какъ я полагаю, что вы, опбравившись съ письмомъ къ молодой дѣвушкѣ благороднаго происхождения и припомъ находящейся подѣ особеннымъ покровишельспвомъ Короля, имѣли въ виду самыя благородныя намѣре-

нія , я напередъ испросила у опекуна дѣвицы де Бомон' согласіе на вашъ союзъ. Король шакже его одобряетъ , и въ честь вашего бракосочешанія даритъ дѣвицѣ де Бомон' д'Альбонское Графство. Вы можете принять его шипло : оно дастъ вамъ во Франціи почно шакое-же значеніе , какого вы лишились въ Англии. Я сейчасъ напишу обо всемъ къ вашей Королевѣ , и пусть эшо послужитъ Ея Величеству новымъ доказательствомъ особеннаго уваженія Короля, какъ къ ней самой, шакъ и ко всѣмъ , близкимъ ея особѣ. »

Что оставалось дѣлать Моршимеру ?

Покорисья общояшельствамъ.

Онъ попалъ въ западню между

невинной простотою пятнадцатилѣтней инстинктушки и сprogой насстойчивостію спарой ханжи; и не думая, не гадая, принужденъ былъ жениться на молодой, прекрасной, богашой, умной и невинной дѣвушкѣ.

Дѣлашь было нѣчего: опговаривашься поздно—онъ рѣшился; и женился.

Бѣдняжка!

Свадьба его была разыграна съ величайшимъ блескомъ и роскошью.

На другой день послѣ вѣнчанія Лордъ Морпимеръ, Графъ д'Альбонъ увезъ молодую свою супругу въ помѣстье, подаренное ей Королемъ. Удивительная вещь! Повѣрише-ли, чшо, благодаря ея образованному уму, ея дѣтской наивности, ея красшѣ и дарованіямъ, онъ нисколько

не соскучился съ нею въ деревенскомъ уединеніи.

Возвратившись въ Парижъ, онъ встрѣшилъ Маркиза Сеншъ-Эрема.

« Ахъ ! любезный Милордъ ! » — сказалъ ему Маркизь съ плачевнымъ видомъ, — « вы видите передъ собою погибшаго человѣка ! »

— Чшо съ вами случилось ? — спросилъ Англичанинъ.

— « Король.... ахъ ! Король.... »

— Какъ ? Не ужели вы впали у него въ немилосшь ?

« Хуже ! Онъ меня женилъ ! »

— Какъ шакъ ? —

« Да , вамъ хорошо смѣяшься : а все вашъ примѣръ сбиль меня

съ полку. Мнѣ вздумалось превзойти васъ хипросью, и я попалъ въ дураки. Я подкупилъ Сен-Сирскаго садовника, чшобъ онъ ввелъ меня въ инспишущь, подъ видомъ одного изъ своихъ рабошниковъ. Эшошъ мошенникъ доспавилъ мнѣ случай погово-ришь съ воспишанницами, а самъ пошелъ и все рассказалъ наспо-пельницѣ; ша — Г-жѣ Меншенон, а эша — Королю, Король.... вошъ шущь-шо вся бѣда! Я споялъ въ галлерей, когда онъ шель опъ обѣдни: онъ меня увидалъ, и не оспанавливаясь махнулъ рукою, чшобъ я шель за нимъ. Я повиновался, и когда мы пришли въ кабинешъ, Король облокошился на споль и успремивъ на меня пронзительный, сердишый взоръ. . . «*знаете-ли,*

Господинъ Сент - Эрмъ ,» сказа-
залъ онъ , — « что вы стоите
того , чтобъ я засади́лъ васъ
въ бастилю , за вашу дер-
зость ! Какъ смѣли вы про-
красться въ заведеніе , которое
находится подъ нашимъ Коро-
левскимъ покровительствомъ ? »
— Сознаюсь , Ваше Величество !
Я виновашъ , очень виновашъ ! но
я умоляю васъ , будьте велико-
душны къ слабости , до кошорой
довела меня безумная спрасъ ! —
« А кто предметъ этой бе-
зумной страсти , которая за-
ставила васъ забыть даже дол-
жное уваженіе къ моей особѣ ? »
— сказалъ Король , немного смяг-
чившись . — Дѣвица д'Ольбрёзъ ,
Ваше Величество ! — ошвѣчалъ
я опрометчиво . Король немного
ошшашнулъ ошъ удивленія . —

« *Хорошо!* » сказалъ онъ пошомъ. Спарикъ Шевалье д'Ольбрёзъ въ эшо время прожаживался по галлерей, — онъ велѣлъ его позвашь. « *Шевалье!* » — сказалъ онъ ему — « *Маркизъ Сент - Эрмъ проситъ руки вашей племянницы; вы можете написать къ ея родителямъ, что я одобряю его выборъ и самъ похлопочу объ приданомъ ихъ дочери.* » Шевалье разсыпался въ поклонахъ, благодареніяхъ и поздравленіяхъ, а я гошовъ былъ преснупъ съ досады. Предспавъше, какой я даль промахъ: я хошѣлъ назвашь дѣвицу де Фомбрёзъ, и въ замѣшательствѣ у меня сорвалось съ языка совсѣмъ другое имя. Ошговоришься было невозможно; Король ужъ самъ сдѣлалъ за меня предложеніе и я, — за псяжкіе

грѣхи мои долженъ былъ женишь-
ся на уродѣ ; на дѣвушкѣ прегад-
кой собою , бѣдной , глупой и ка-
призной до шакой степени , что
святаго съ ума сведешь . Охъ
мнѣ эта Эсирь , со всѣмъ Сен-
Сиромъ и со всѣми его прокля-
тыми дѣвчѣнками ! » —

Упѣшьшесь ! бѣдный мой несча-
спливецъ ! — сказалъ ему Мор-
пимеръ съ величайшимъ хладно-
кровіемъ , — возмише съ меня
примѣръ : насъ посшигла одина-
кая учаспъ , а вы видише , какъ я
спокоенъ . — Лицемѣръ !

Между шѣмъ Сен-Сирскія пред-
спавленія сдѣлались предметомъ
самыхъ злыхъ порицаній . Г-жу
Меншенон' упрекали въ томъ ,
что она вывела на сцену передъ
цѣлымъ дворомъ молодыхъ дѣву-

шекъ хорошаго происхожденія , кошорыя были ей поручены для нравственнаго и христіанскаго воспитанія. Можно безошибочно сказать , что громче всѣхъ кричали пѣ , кошорые меньше всѣхъ уважали нравственность и христіанизмъ ; но имъ удалось увлечь за собою множество набожныхъ особъ , кошорыя боялись , что молчаніемъ своимъ могутъ сами навлечь на себя общій ропотъ. Г-жа Меншенон' должна была уступить обществу мнѣнію.

« Видише ли , » говорила она вздыхая дѣвицѣ д'Омаль , своей повѣренной , « самые развращенные люди кричатъ прошивъ насъ и заставляющъ опказаться ошъ

самыхъ невинныхъ удовольствій. Они очень хорошо знаютъ , что надо дѣлать для того , чтобы религія казалась всѣмъ строгою , суровою и ошпалкивающею. Пороки имѣли бы слишкомъ мало поклонниковъ , еслибъ можно было соединить удовольствія и добродѣтель. А мнѣ кажется , что намѣренія мои были недурны : я нашла средство забавлять Короля , не подвергая опасности счастья его и цѣлой Франціи , и доставляя молодымъ дворянамъ всѣ наслажденія невинной забавы , я хошѣла ихъ опвлечь отъ пагубныхъ удовольствій. Молодымъ сироткамъ , копорыя почти всѣ безъ соспоянія , я открыла способъ выказать свои дарованія и красосу. Благодаря строгому надзору въ Сен-Сирѣ и покровитель-

спву Короля, впечатлѣнія, ими производимыя, всегда оканчивались бы хорошимъ замужствомъ. Все эшо, кажешся, не заслуживало порицанія! Но, что-же дѣлать: *человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!* Да будетъ Его Свяшая воля! — Подайте мнѣ мои чѣпки, да прикажите служанкѣ задернуть гардины.»

И пробормотавши нѣсколько молишвъ, Г-жа Меншенон' ушпонула въ подушкахъ и заснула.

ЧУДНАЯ МАТЕРІЯ.

ИСПАНСКАЯ СКАЗКА,

ПЕРЕСКАЗАННАЯ

Манюэльъ Д.

СПРАВКА :

Сказка сія заимствована изъ сочиненія, известнаго подъ названіемъ: Графъ Луканоръ. Авторъ его жилъ въ XIV-мъ вѣкѣ, и книга его почитается однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Кастиліанской Литтературы того времени.

Въ нѣкошоромъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ, да былъ Князёкъ...

Русская присказка.

Три страншвовашеля, или лучше сказашь, при искашеля приключеній, явились къ Князю маленькаго городка, не знаю пра-

во, къ какому именно Князю, а могу только сказать, что онъ подлинно былъ Князь и припомъ Князь въ полномъ смыслѣ этого слова.

И такъ снранспвовашели явились къ нему и объявили, что умѣюшъ дѣлать машерію... пречудную машерію! — копорая, — хопъ и пребуешъ долгой работы и значительныхъ издержекъ, но за то имѣешъ преудивительное свойство: *тотъ, кто происходитъ изъ низкаго званія, или кто незаконное дитя, или наконецъ, кто обманутъ своей женою, — не только не можешъ оцупашъ ее руками, но даже не разглядишъ въ ней ни одной нитки, хопя бы распялилъ глаза свои на три дюйма.*

Выдумка показалась Князю весьма забавною ; ему спрахъ какъ хопѣлось попѣшишься эпой чудной машеріей.... Онъ приказалъ дасть премъ художникамъ огромный домъ , кучу золоша и серебра и 1000 мошковъ шелку , чшобъ они вышкали ему кусокъ своей машеріи.

Дней черезъ пяшь или шесшь одинъ изъ чудаковъ явился во дворець и доложилъ Князю , что они ужъ начали шкашь машерію , и если угодно его Свѣшлоспи пріѣхашъ къ нимъ безъ свишы , шо онъ можешъ ее видѣшь.

Князь , чшобъ увѣришься въ рассказахъ спранспвовашеля , приказалъ первому своему Сановнику , завѣдывавшему мануфакшур-

ною часшью его городка, съѣздишь къ нимъ и посмотришь на работу.

Сановника приняли, ввели въ комнату, рассказали чудесное свойство *чудной матеріи* и спали ее показывать.

Бѣдный Сановникъ шарцилъ глаза, глядѣлъ въ оба, ничего не видалъ и, не сморя на шо, не смѣлъ прошивуръчить, боясь обличить себя передъ художниками. Онъ ворошился во дворець и донесъ Князю, что видѣлъ на чашки *чудной матеріи* и боялся, что во всю жизнь свою не видывалъ такой шонкой и чудесной шкани.

Между шѣмъ каждыя при дни доносили, что шкань все прибав-

ляешся въ *двое* да въ *трое*, и Князь желая перепробывашь всѣхъ своихъ приближенныхъ посылалъ въ рабочую, по шого, по другаго, по Каммергера, по Каммеръ-юнкера, по Маршала, по Шпалмейспера — и всѣ возвращались во дворець и перевозносили чудесную маперію, кошорой ни одинъ изъ нихъ не видалъ.

Наконецъ Князю вздумалось и лично увѣришься въ ихъ похва-лахъ.

Онъ вошелъ.

Глядишь : при художника си-дяшь за рабошою, и мошаюшь, и сучашъ, и шкушъ. Тушь нача-ли они Князю выхваляшъ свою рабошу.

« Взгляните, Ваша Свѣшлость !

Какъ эша нить прочна и красива! А рисунокъ! Чшо за узоръ! Чшо за цвѣшы! — прелесиль! — А какъ вамъ кажущся нѣни? Какая гармонія! Какое сляніе красокъ и какая яркость въ опшѣнкахъ! — А шеперь извольше взглянуть на все вмѣстѣ: каковъ эффектъ?!» — И шущь спали они хлопощать, будшо развершывають передъ Княземъ свершокъ машеріи, подносили его къ нему, прикладывали къ плащю, показывали на свѣшъ..... и бѣдный Князь проширалъ глаза, силился разглядѣшь пуспое мѣсто и незналъ, чшо имъ опвѣчатъ опъ спыда и досады на шо, чшо всѣ другіе видѣли эшу прокляшю машерію — а онъ — ничего не видишь.

Онъ началъ въ душѣ укоряць

Свѣшлѣйшую машь свою и гошовился поднѣшь содомъ съ Ея Свѣшлоспью, дражайшей своей половиной, но желая поддержать себя передъ своими вассалами, онъ сохранилъ все хладнокровіе, приличное его сану, и на всякое новое замѣчаніе, кошорое ему дѣлали касательно *чудной матеріи* — онъ осыпалъ ее похвалами, а художниковъ золопомъ.

Такимъ образомъ въ маленькомъ придворномъ шпашѣ Князя не было человѣка, кошорый не увѣрялъ бы, для поддержанія своей чести, что онъ видѣлъ *чудную матерію*, и не увѣрялъ *честью*, что съ роду не видывалъ ничего лучше.

Наконецъ художники сдѣлали Князю предложеніе: не угодно ли ему сшить себя изъ этой маше-

ри парадное плащѣ , кошорое онѣ могѣ бы надѣвашѣ въ *высоко-торжественные* дни.

Ксшашѣ одинѣ изѣ шакихѣ дней былѣ на дворѣ — и Князю спрахѣ хошѣлось узнашѣ , не найдущя-ли въ его сшоллицѣ люди , шерпящіе съ нимѣ одинакую , горькую учасшѣ и кошорымѣ , вѣрояшно , чудный уборѣ Князя не кинешя въ глаза.

Художники явились къ нему , нарочно сняли съ него мѣрку , при немѣ же сшали кроишѣ мундирѣ изѣ невидимой машеріи , наскоро его сшили , примѣрили на Князя и увѣряли , чшо онѣ сидишѣ на немѣ превосходно.

Придворные подшвердили ихѣ мнѣніе и Князь воображая , чшо

онъ въ щегольскомъ , испинно Княжескомъ убранствѣ , въ одной сорочкѣ съ гордостію избоченился на парадной своей лошади и поскакалъ по городу, окруженный великолѣпною свишою дворцовой прислуги.

Во всемъ городѣ шолько и шло рѣчи, чшо объ *чудной матеріи*. Всѣ знали убійственное ея свойство и весь народъ , видя Князя своего въ рубашкѣ , кричалъ :

*«Что за платьѣ на Князѣ !
что за прелесть ! что за диво !
что за чудо ! — Виватъ нашъ
Князь и чудесный мундиръ его !»*

А Князь между шѣмъ бѣсился , выходилъ изъ себя и , чшобъ скрышь свой гнѣвъ , вымѣщаль всё на бѣдной лошади. Ему казалось, чшо онъ самый несчастнѣй-

шій человѣкъ во всемъ своемъ городѣ.

Вдругъ — мальчишка, арапченокъ, сынъ конюха, высунулся изъ шолпы, захохоталъ во все горло и закричалъ: «Взглянишка, взглянише: Князь-то въ рубашкѣ!» Мальчишки, его шовариці подхвашили и—вскорѣ весь народъ единогласно кричалъ, что подлинно Князь въ рубашкѣ.

Князь ощупался, оглядѣлся и самъ сознался, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ рубашкѣ.

Придворные ему не прекословили и охотно подтвердили, что Князь почно въ рубашкѣ.

Тошчасъ были отправлены полицейскіе чиновники, чтобы схватить шрехъ обманщиковъ; да не

пушъ-шо было — ужъ ихъ и слѣдъ проспылъ.

Сказашъ мимоходомъ, полиція-шо въ эпомъ городкѣ была не слиш-комъ распоропна , а народъ, глу-пый народъ ! неповорошливосшь — почишалъ плушовспвомъ и по-лицейскихъ служиселей назы-валъ *взятчиками* ; а попому не должно вамъ удивляпсья, чпо обывашели распуспили слухъ, будпо полиція , послѣ брапскаго дѣлежа , сама помогла премъ пройдохамъ наоспришь лыжи.

Какъ бы шо ни было , но въ домѣ не нашли и бѣшенной со-баки , и никогда и слуху не было ни объ золопѣ , ни объ серебрѣ , ни объ тысячѣ мошкахъ шелку , копорые Князь далъ художникамъ для *чудной ихъ матеріи*.

Но и самъ Князь не приказалъ ихъ преслѣдовать; онъ былъ радъ тому, что въ сердечныхъ и домашнихъ обспояпельспвахъ онъ ничемъ не хуже другихъ.

Онъ издалъ при сей вѣрной оказіи милоспивый приказъ, которымъ всѣ *счастливые мужья* возвышались въ какой-шо особенный, нарочно для сего придуманный чинъ.

Жишелей въ городкѣ его считалось 50,000; мужей оказалось до 26,000 — новыхъ чиновниковъ было произведено 43 человекъ и одинъ, шолько что обвѣнчанный.

Боже мой! Боже мой! сколько подобныхъ заблужденій найдешся въ свѣшѣ! А какъ разсмопрѣшь

ихъ по ближе, да по приспаль-
нѣй: что служишь имъ испочни-
комъ? Не шо-ли, что всякій изъ
насъ грѣшныхъ боится бышь
спраннымъ въ народъ, и обра-
пишь на себя всеобщее вниманіе
съ невыгодной спороны?

К о н е ц ъ.

NB. *Опечатки* — замѣнить каждый
чишапель.

Перѣшности — опыцуиъ жур-
налисны.